

ДЖУЛИ ДЕЙС

НАЩЕ

НЕТ
НИЧЕГО
НЕВОЗМОЖНОГО

П
Е
Р
С
Е
Ч
Е
Н
И
Е

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Нет ничего невозможного

Джули Дейс

Наше пересечение

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Дейс Д.

Наше пересечение / Д. Дейс — «ЛитРес: Самиздат»,
2020 — (Нет ничего невозможного)

Каждый из нас делает жизненный выбор, который может оказаться ошибочным, а может стать единственно верным. Забывая при этом, что за всё в этой жизни нужно платить: деньгами, телом, душой или сердцем. Мы не понимаем, что первая пара пунктов ничто по сравнению с двумя остальными. Но ещё мы расплачиваемся свободой, ведь готовы посадить себя в клетку ради любви. И она сделала свой. Её выбор убил любую надежду на что-то хорошее и светлое, что было: его любовь. Теперь осталось только ждать. Ждать, что их дороги снова пересекутся. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	20
Глава 3	25
Глава 4	33
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Джули Дейс

Наше пересечение

Пролог

– Возьми чёртову трубку, Грейс, мы оба знаем, ты не уедешь далеко. Ты никогда от меня не убежишь и не скроешься.

Знаю, она не слышит, желтая машина несётся по трассе с такой скоростью, что ей завидую даже я. Но рано или поздно ей придётся остановиться, и тогда мы поговорим, тогда всё решим и снова помиримся, как делали это всегда. Она – моя мышка, а я её кот. Игры в догонялки и гляделки всегда будут нашими любимыми, так мы получаем нужные эмоции, так понимаем, что между нами есть страсть, любовь, огонь, готовый прожигать изнутри.

Сотый раз набираю её номер, но вновь натыкаюсь на голосовую почту. Она снова скинула вызов, но разве это сможет остановить меня? Нет. Это глупо.

– Давай, Грейс, ты знаешь, как зажечь меня, как получить нужное, – усмехаюсь я, зажимая педаль газа до самого упора.

Попытка – не пытка, и я сто первый раз набираю её номер. Дорога пуста, и мне ничего не стоит догнать её, но я вжился в роль охотника, и сейчас лишь поддаюсь игре. В этот раз я натыкаюсь на гудки и послушно ожидаю ответ. Когда в трубке слышится её дыхание, по венам моментально разливается тепло и ток. Резкая вспышка света отрывает меня от экрана, на который я смотрел, удерживая звонок на громкой связи. Желтая машина пылает.

– Диего! – тело сотрясают чьи-то руки, и я распахиваю глаза.

Мария.

Карие глаза смотрят на меня с беспокойством, как и всегда. И я понимаю, что одновременно с потом, который сочится по всему телу, меня знобит и морозит, но это лишь видимость простуды, я знаю, что это. Это мой ужас. Мой личный круг ада, в который я периодически попадаю и не знаю, как вырваться. Проклятую неделю я вижу одну и ту же картинку, но на этот раз за водительским креслом не Алисия, там та, что смогла растоптать меня, после чего даже не вытерла ноги, канув в небытие. Это моё мучение и моё проклятие – видеть её.

Я даже не заметил, как Мария ускользнула и сейчас села на мою сторону кровати со стаканом холодной воды в руках. Карамельные волосы, обрамляющие её лицо, ниспадали на одну сторону ниже груди; приоткрытые пухлые губы, тёплое дыхание из которых задевало моё лицо и пронизательный взгляд, направленный на меня сквозь ночную тьму. Приняв помощь, я одним глотком осушил стакан и прочистил пересохшее горло.

– Ты в порядке?

В порядке ли я? Сомневаюсь.

– Всё нормально, – увильнул я, чтобы не врать, – просто кошмар. С кем не бывает?

– С тобой.

Мария нахмурилась, теперь прижимая к себе одеяло.

– Всё нормально, – заверил её. Она нахмурилась сильнее. Готов поспорить скоро её брови сольются в один надбровный валик. – Просто посмотрел ужасы перед сном.

Когда-то также сказала Грейс, когда проснулась в холодном поту от кошмара. Я попытался узнать у неё, что ей снилось, но не смог. А сейчас даже если бы я и хотел, я бы все равно не сумел. Потому что её больше нет. Не в прямом смысле. Она просто ушла от меня. Бросила, как чёртову собаку, написав глупое письмо с кучей слов, никак не относящихся к нам.

Я шёл в тренерскую после внеплановой тренировки, когда моей жизни пришёл конец, точка невозврата, от которой я гибну с каждым днём. Набрал её номер, я никак не ожидал, что

меня скинут и напишут довольно странное сообщение. А тем более я не ожидал, что, зайдя в тренерскую, наткнушь на белый лист бумаги с мокрыми пятнами от слёз. Сначала я решил, что это очередное любовное письмо, но, как только махнул с листом в сторону мусорки, тут же заметил подпись: «С любовью, твоя Грейси». Тогда я подумал: какого хрена? Дальше я думал точно также. И сейчас я пришёл к тому, что мне снятся кошмары, где в роли Алисии – моя Грейс. *Или уже не моя?*

– ...практически каждый раз. Эй, ты вообще слышишь меня? – Мария замотала ладонью перед моим лицом, чтобы я пришёл в себя.

Мой взгляд сосредоточился на ней.

– Прости, просто задумался.

– Ну, конечно, я тут тебе такую речь втираю, а ты просто задумался и прослушал всё мимо ушей. Молодец, так держать.

Она надулась, сжав сильнее кулачки, держащие одеяло.

– Утром я никакой, – с легкой улыбкой, я пожал плечами, пытаюсь растопить её обиженное сердце.

Карие глаза Марии резко остекленели. Потеряв жизненный оттенок кожи, она закрыла глаза, а когда открыла, смотрела куда-то позади меня, вызывая по моей коже роту мурашек.

– Ты никакой не только по утрам.

– Что?.. Что ты имеешь в виду?

Она слишком горько усмехнулась, отчего я испугался больше, чем следовало. Моя сестра – человек, страдающий маниакально-депрессивным синдромом. Из-за этого в её голове разруха, сравнимая с землей после атомной бомбы. Иногда она может сказать то, что кажется странным, бредовым, устрашающим, пугающим. По большей части так и есть. Но я люблю её, тем более она даёт довольно дельные советы. Например, она посоветовала закопать мне ручку, когда та засохла. На мой вопрос:

– Зачем?

Мария ответила:

– Она служила тебе верой и правдой. Не подводила ни разу, хотя могла. Тогда бы ты не написал тест по математике и получил отрицательно. Мама бы расстроилась, Ром бы начал стебать тебя. И куча других последствий. Но нет. Она не сделала этого. Не кажется ли тебе, что эта ручка достойна быть похороненной?

Честное слово, она говорила об обычной ручке, тем более закончившейся, будто она живой человек. И это местами пугает. В конечном итоге мы и вправду хоронили эту ручку на заднем дворе дома, пока лил ужасный осенний дождь. Из окна на нас смотрел Ром с хмурым выражением лица так же, как и я. Мы все боимся за Марию, как бы грустно это не было признавать. Каждое её действие вызвано другой силой, из-за чего мы не можем даже предугадать этот ход. А однажды он может стать роковым.

Отвлекаясь от мрачных мыслей, я вслушался в речь Марии.

– После... ну ты знаешь, чего...

– Грейс ушла, – помог ей, сглатывая ком. Мне также сложно говорить об этом. Это доставляет больше боли, чем стоило.

– Ну, да. После этого ты стал другим. Помнишь, когда Алисия умерла, ты долго был в состоянии шока, так вот теперь всё хуже. Такое чувство, будто шок сменился отчаянием. Будто ты смирился.

– Я и смирился, – лгу я.

– Засунь в задницу это враньё! – Мария подлетает на месте, спрыгивая с кровати. Её ноздри раздуваются, белки глаз красные-красные, а сама она так тяжело дышит, словно пробежала сотню километров. – Меня задолбало это. Совершенно задолбало! Ты ведёшь себя так, будто ты единственный? Почему ты думаешь только о себе и о том, как плохо тебе. Почему же

ты не хочешь подумать какого, например, родителям? Они тоже страдают. Мама, если ты не заметил, а ты точно не заметил, потому что занят нитьём, очень похудела на этой почве. Ром и Лита тоже пребывают в хреновом состоянии. Ром даже пару раз хотел зайти к тебе.

– Почему же тогда не зашёл? – рявкнул я на неё. Мария не съежилась. Она оскалилась, готовясь напасть. – Раз уж он решил поиграть в отличного брата на остаток лет, то почему не пришёл? А может, потому что ему это нахрен не нужно?

– А может, потому что его новорожденная дочь сильно болеет? – крикнула в ответ Мария.

Я раскрыл рот и тут же захлопнул.

– Что?..

– Да, дорогой, не только у тебя проблемы. Стейси сильно болеет. Врачи говорят, что это какой-то редкий вирус. Я прочитала целые статьи в интернете про него, и знаешь, что узнала? Этот вирус убивает новорождённых со скоростью света. Она может умереть, а ты не то, что не поддержишь брата, ты ещё и делаешь страдальцу из себя.

– Мария, я не знал... – прошептал я в никуда. Но она уже не слышала меня.

– А плохо не только им. Мне тоже плохо! Твой дружок ходит за мной вокруг да около. Ублюдок решил, что я кукла, у которой оторвалась нога, и он хочет её приделать обратно. Но может я и кукла, зато оторвалась у меня не нога, а голова.

– Не говори так о себе. Я поговорю с ним сегодня же, обещаю. И с Ромом поговорю. Всё будет хорошо.

Я сплетаю наши пальцы, но она тут же выдёргивает руку.

– А уже поздно... поздно, слышишь? – смеётся Мария. Я вижу, как капельки крови стекают по её губам к подбородку, вытекая из носа. Я тянусь к ней, чтобы обнять и успокоить, но она резко перестаёт смеяться и толкает меня обратно на кровать. Её взгляд сменился со злого на ледяной. – А знаешь кому хуже всего? Грейс. Да-да, именно ей, а не тебе.

Она тут же резко замолчала. Глаза перестали гореть ярким пламенем, готовым метать и крушить все на своём пути. Её губы тут же сжались в одну тонкую линию. Со мной же все стало совершенно наоборот.

– Повтори, – прохрипел я не своим голосом. За меня говорил демон внутри моей плоти, который относился к Грейс, как к собственности.

Мария отвернулась от меня, стыдливо пряча глаза. Я схватил её за подборок, возвращая голову в прежнее положение.

– Мария, – предостережение сочилось из моего голоса. Я был на грани того, чтобы взорваться, – что с ней?

Она снова молчала, закрыв глаза.

– Скажи мне.

– Диего, я не могу...

– Ты уже начала! – заорал я.

– Значит, не закончу. И вообще, мне пора. Я пришла, чтобы убрать мусор в твоей квартире, а не сидеть с тобой и болтать, как с подружкой.

Она идёт к двери, но я хватаю её за запястье, останавливая. Моя хватка сильнее, чем обычно я позволяю в её сторону.

– Ты не уйдёшь, пока не скажешь мне. Что с Грейс?

– Диего, – Мария извивается, чтобы выбраться, но я по-прежнему крепко держу её за руку. – Мне больно, Диего, отпусти.

Я выдерживаю её взгляд и со вздохом отпускаю руку сестры. Она тут же отскакивает от меня, потирая место.

– Актриса, – фыркая, пока она устраивает сцену, где играет роль бедняжки.

– Вот и ложь, ты правда сделал мне больно. Смотри, – Мария поднимает руку, указывая мне на красное пятно в виде пальцев, – иногда тебе стоит соизмерять силу. Или я запишусь на борьбу, и тебе придёт пиздец.

– Не уходи от темы, – я скрестил руки на голой груди, сев на край кровати.

Она устало вздохнула, всхлипнув, будто вот-вот разрыдается.

– Я просто ляпнула. Я ничего не знаю.

– Врешь, ты что-то точно знаешь.

– Может и так, – певуче тянет она, – но я ничегошеньки не расскажу тебе.

Мои мышцы наливаются свинцом. Я ощущаю, как медленно становлюсь Халком.

– Ты же не станешь скрывать что-то от любимого брата, так ведь? – игриво спрашиваю её. Пусть это и слышится шуткой, но внутренне я серьёзен и зол. А ещё я в отчаянии. Причём в полном. Мне хочется знать абсолютно все, что касается неё. Потому что я все ещё *люблю её*.

– В этой голове куча секретов, о существовании которых ты даже не знаешь, – она тычет себя в висок указательным пальцем.

Надежда во мне рассыпается на миллионы, миллиарды крошечных частиц. Моё сердце разрывается, точнее остатки от него, потому что его давно к чертям уничтожила Грейс. А сейчас я, как идиот, пытаю Марию, чтобы узнать о ней хоть что-то. Тем более если ей плохо, то я должен знать. *Потому что мне не лучше.*

Пожав плечами, она окинула меня сочувствующим взглядом и подошла в плотную к двери.

– Мария, я люблю её, сильнее, чем собственную шкуру. Когда она появилась в моей жизни, я отрицал все возможные связи с ней. Я видел, что Грейс просто хотела любви. Она хотела быть любимой. И я боялся, что после того, как я дам ей это, она уйдёт, забрав с собой частичку меня. Со временем я убедился в том, что Грейс – не такой человек. Она лучше. Она целеустремлённая, упёртая, великолепная, сексуальная до чёртиков... настоящая. Я не верю в то, что она уехала добровольно, понимаешь? Просто помоги мне разобраться с этим. Пожалуйста...

Её рука была уже на ручке, когда она резко остановилась. Я слышал собственный стук сердца и неровное дыхание. Мне даже пришлось задержать его, чтобы не прослушать ничего из того, что может сказать Мария. Не глядя на меня, она еле слышно прошептала:

– Сегодня свадьба Грейс и Арчера, вот почему ей плохо...

С этими словами она исчезла, оставив меня одного. Стены вокруг начали сужаться, пытаясь уничтожить, расплющив меня. Я перестал чувствовать собственные конечности, а моя голова оказалась предательницей и стала демонстрировать мне картинки моего прошлого с Грейс, где я был так счастлив. Она кружилась вокруг меня, когда я готовил нам завтраки, да и не только завтраки. Рвалась помочь, хотя в одиночку могла отправить на тот свет целые войска. Я вспомнил и её лицо, когда она писала картины. Я соврал, когда сказал, что это мазня. С самого первого раза, когда мне удалось увидеть их, я понял, насколько она талантлива. Тут же в голове сменились картинки на другие, где мы просыпались рано утром со сплетенными ногами и руками. Я прижимал её к себе максимально сильно, боясь, что могу проснуться и – пух! – её нет, это был всего лишь сон. Вспомнились и наши тренировки, где она специально заставляла мой член страдать и топиться в океане желания. Её полюбила вся моя семья. И я любил её и люблю до сих пор. *Она – была моим миром, а теперь станет этим же миром для него.*

Не знаю, сколько я сидел так и смотрел в одну точку в проклятой стене этой чертовой комнаты в никчемном городишке. Дверь давно хлопнула – Мария ушла, оставив меня совсем одного наедине со своими демонами и мыслями. И, наверное, так даже лучше, что она ушла. Потому что я бы уже летел к ней, чтобы узнать, где и когда состоится процесс бракосочетания, чтобы сорвать свадьбу к дьяволу. *Но это неправильно. Мои чувства – это неправильно...*

В конце концов, я продолжил залипать в стену, забив на всё, пока в дверь настойчиво не постучали.

Поначалу я даже не собирался идти и открывать её, ожидая, что мой неожиданный гость поймёт мой настрой. Но нихрена. В дверь начали тарабанить ногами, и я уже не смог удерживать себя на месте. Подскочив, я сжал ладони в кулаки, настроившись на настроение надрать-кому-нибудь-задницу. С силой открыв дверь, я вышел на лестничную площадку, громко захлопнув за собой бедную железку.

– Кто-то не в духе? Да, Диего Фуэнтес?

Глава 1

Высокий мужчина, ростом чуть ниже меня, но значительно тоньше, смотрел на меня. Его русые волосы коротко подстрижены и аккуратно уложены, а гладко выбритое лицо так и кричало, что всё, чем этот мужик занимается по утрам, – ухаживает за щетиной. На нём строгий костюм чёрного цвета, ценником с мою почку, и лакированные туфли. С виду он представляет собой довольно дипломатичного, влиятельного человека с большим карманом. Но как только ты смотришь в его холодные, практически ледяные глаза, и на мерзкую ухмылку, говорящую я-лучше-тебя-придунок, весь образ канет ко дну. И самое странное, что он напомнил мне кого-то. Это же взгляд, эти же волосы... где-то я всё это уже видел.

– Мы знакомы? – напрямую хриплю я, откашлявшись после долгого молчания.

Он окидывает меня рентгеновским взглядом, от которого у меня мышцы встают в боевую готовность. И следом, будто делая вердикт, он морщится, как от какого-то дерьма.

– Только косвенно. И раз уж ты спросил, то имеет ли это значение? – его голос довольно грубый и высокомерный, и из-за этого мне ещё больше хочется сломать ему челюсть.

– Полагаю, да, если я спрашиваю, то это меня волнует. Так если мы не знакомы напрямую, откуда вы знаете моё имя, и где я живу?

– Слишком много вопросов на одного дворнягу.

Что, блять?

– Повтори, сукин сын, – рычу я этой роже, хищно оскалившись.

Он закатывает глаза, не обращая внимания на мою готовность нападать.

– Ты плохо слышишь? Досадно. Но если ты просишь, то: ты дворняга. Кажется, я сказал не это, но какая разница, ведь суть всё равно та, так ведь?

Я кидаюсь на него, замахнувшись, но он резко блокирует мой удар. Я могу ударить его в живот, но он тут же начинает говорить, привлекая моё внимание и отвлекая меня от дальнейшего нападения.

– Остановись, пока не пожалел, – сухо предупреждает он, – чтобы тебе стало легче, я отвечу на твой вопрос. Я знаю о тебе всё, Диего. И будет ещё лучше, если ты отойдёшь от меня, чтобы не портить мою ауру своим зловонием, то я ещё и представлюсь. Меня зовут Вильям Мелтон. Теперь понимаешь, кто я?

Я отшатываюсь, впечатываясь в стену позади меня.

– Ты её отец... отец Грейс, – хриплю я, разглядывая его, проводя параллель между ними. Неудивительно, что он показался мне знакомым.

– И да, и нет, – усмехается Вильям, – не имеет значения, чей я отец. Главное – я её смерть.

– Что? – в недоумении спрашиваю я. – Не понимаю, о чём ты.

– Объясняю один раз. Слушай и запоминай: ты сейчас едешь со мной, или я выстрелю ей в лоб. Мне не жалко ни пули.

От довольно резкого заявления, тем более от отца Грейс, я в который раз пошатнулся и почти упал на пол, споткнувшись об собственную ногу. Со стороны я, должно быть, выглядел ничтожно с большими глазами размером с дырку в унитазе и открытый рот. Я ждал, что Вильям сейчас засмеётся и скажет мне серьёзную причину его визита, но этого не произошло не через минуту, не через две. Мы так и стояли: я – в полном шоке, он – с дикой улыбкой, не предвещающей ничего хорошего. Он напоминал мне шакала. Такой же коварный, мерзкий ублюдок, который ждёт, когда ты расслабишь булки, чтобы нанести удар.

– Урод, – сплевываю я, когда, наконец, прихожу в своей голове к общему мнению. Он не шутит.

На самом деле, я догадывался, что у Грейс с родителями всё шатко, но не думал, что всё в таком плачевном состоянии. Вильям пронзительно смотрит на меня, не шелохнувшись.

– Это всё, что ты хочешь сказать?

– Нет, это даже не сотая доля всего. У меня просто два вопроса: зачем я тебе и куда мы поедем?

– Понижь планку, несчастный. Не кажется ли тебе, что такому человеку, как я, ты не нужен от слова вообще?

– Тогда ты сам путаешься в своих желаниях. То ты хочешь, чтобы я поехал с тобой, то я тебе не нужен.

Вильям начинает краснеть от злости, а я, наконец, понимаю его слабые стороны.

– Ты не нужен мне, да. Но ты нужен Грейс, – от этих слов моё сердце падает к подошве моих домашних тапок. Но Вильям лукаво ухмыляется и добавляет: – Не в том смысле, в котором ты подумал. Грейс выходит замуж за Арчера. Он – её любовь всей жизни и прочая хрень. А ты, Диего, ей не нужен. Ты никак не вписываешься в её историю.

– В вашу историю, если быть точнее?

Вильям перестаёт потешаться надо мной. Его лицо вмиг побледнело, потеряв все жизненные краски. Сейчас он стал похожим на горгулью.

– Я жду тебя в машине. У тебя всего пять минут на сборы.

Как только он разворачивается, чтобы скрыться в кабинке лифта, я спрашиваю ему вдогонку:

– Куда ты меня везёшь? Если в лес, то я должен разочаровать тебя. Я предпочитаю кремацию.

– Забавно, что ты хочешь быть сожженным. Не переживай, я учту твои желания. Но как-нибудь в другой раз. Сегодня мы всего на всего едем на свадьбу Грейс и Арчера.

О нет...

– Прости, мужик, но это без меня. Не хочу видеть смазливую рожу Арчера. Ничего личного, – лгу я. На самом деле у меня куда больше причин.

Он медленно поворачивается в мою сторону в шаге от лифта.

– Ты хочешь, чтобы я убил её?

– Нет. Но ты не убьешь свою дочь.

Вильям насмешливо приподнимает идеальную бровь.

– Да что ты? Смело.

Он заходит в кабинку и спускается.

Я в дерьме.

Выхода у меня не было.

Всю дорогу эта британская задница пела Paradise city, и я уже дико сомневался в том, что я попал в рай. Особенно под сомнения ставил тот факт, что на соседнем сиденье был ублюдок-сатир или подручный Сатаны. Так вот первые пять минут поездки я хотел его убить, следующие пять хотел сделать это ещё сильнее, и в конечном итоге пришёл к тому, что я всё-таки смирился со своим положением и просто начал наслаждаться этой хренью. И это было ещё сложнее, потому что он начал говорить со мной. Слава Богам, что до Нью-Йорка осталось всего несколько миль.

– Вот скажи мне, сколько тебе лет, – неожиданно заговорил Вильям.

Я хотел проигнорировать его, но осознал, что этим лишь подогрею его сучий характер.

– Двадцать три.

– Молод и глуп, – по странному протянул он, но тут же натянул на своё лицо мерзкую улыбочку, – Но не так молод, как Грейс. Нехорошо получается, да, Диего? Совращаешь малолетних. Наверное, судье это бы не понравилось.

– Что ты вообще знаешь о наших с ней отношениях?

– Гораздо больше, чем ты можешь себе представить.

– Ну конечно, – презрительно фыркаю, уткнувшись носом в лобовое стекло, чтобы скрыть то, как сильно меня задела его слова. Могла ли Грейс рассказать что-нибудь отцу? Например, высмеять то, как легко избавилась от меня.

– Стоит сказать хоть слово о ней: ты сразу бесишься. Похоже, она порвала с тобой, парень, – я игнорирую его. Вильям усмехается, вырulingая на парковку рядом с каким-то огромным белым зданием, где похоже и будет проходить церемония. – Знаешь, а хочешь правду?

– Валяйте, – как можно безразличнее прохрипел я, продолжая смотреть в окно.

Вильям стукнул меня в плечо.

– Я бы тоже бросил тебя, если был на её месте. Арчер куда привлекательный вариант для совместного будущего, чем какой-то чёрножопый неандерталец без родословной, – я зарычал и готов был кинуться на него прямо в этой самой тачке, но он вытянул руку вперёд, держа между нами дистанцию, а другой начал парковаться. – Заметь, это ты попросил меня сказать правду.

– Как твоя жена терпит тебя? Честно? – не дожидаясь от него ответа, я практически крикнул: – Ты – конченный ублюдок. Если бы ты не был её отцом, клянусь, я насрал бы на судью и убил бы тебя нахрен.

Вильям приподнял уголок своих бледных губ.

– Моя жена слишком глупа, чтобы понять это.

– Вы говорите о матери Грейс, как о дерьме. Неудивительно, что Ваша дочь ненавидит Вас.

Я хотел сделать ему больнее, чем он сделал мне. Но, кажется, я ни капли не удивил эту рожу.

– Я люблю свою дочь, если ты об этом. И она меня любит. Просто это не та любовь, которую ты привык видеть. Ты и тебе подобные не достойны таких чувств. А теперь закрой пасть, дворняга, и выметайся из моей машины. Свадьба уже начинается. А мы же не хотим опоздать?

Больше мы старались не говорить. Ни он, ни я не изъявляли желания выдавливать из себя эту желчь, чтобы задеть друг друга.

Когда до места моих страданий осталось всего пару шагов, я остановился и впал в ступор. *Готов ли я?*

Само собой, если я сейчас войду в это здание, увижу её в белом платье, дико счастливую, это добьёт меня. И тут я реально струсил. Резко развернувшись, я начал оглядываться, чтобы найти ближайший бар, где смогу выпить и трахнуть какую-нибудь девчонку, потому что нахрен всё. Да, теперь это мой девиз.

– А ну-ка постой, засранец, – тут же схватил меня за руку отец Грейс и дёрнул на себя, – ты чего удумал? Сбежать захотел?

– Нет, – я злобно стряхиваю его руку, как прилипшую грязь. – Ты же не дал мне выбора. *А так бы я уматывал отсюда быстрее, чем он что-либо сказал.*

Покосившись на меня, он фыркает, не веря ни единому моему слову, но мне плевать. Я отворачиваюсь и продолжаю вглядываться в окно. Где-то там стоит моя Грейс, улыбается присутствующим, пьёт шампанское из какого-нибудь дорогого бокала, на котором выгравировано её имя. Или имя Арчера... чёрт бы его побрал.

Вильям хмурится, и тогда я осознаю, что неосознанно выблевал имя мудака-парня Грейс. Он щиплет себя за переносицу, глядя куда-то позади меня.

– Знаешь, когда-то я тоже любил...

– Мы не в тех отношениях, чтобы изливать друг другу душу, – я недовольно корчусь, и Вильям делает тоже самое.

– Плевать. Ты послушаешь меня потому, что я это хочу, понял? – холодным тоном кричит тот и тут же продолжает свой рассказ: – Когда-то я тоже любил.

– Это я уже понял, – перебиваю его, – давай как-нибудь побыстрее расскажи Вашу историю с матерью Грейс.

Вильям удивлённо смотрит на меня.

– Что? Что ты сказал?

– Мне не нужна твоя сладкая история любви, в конце которой рождается Грейс. Я уже понял – долго и счастливо.

Он начинает смеяться. По-настоящему. Не тот мерзкий смех, свойственный Сатане или какому-нибудь злодею из фильмов; а настоящий, от души.

– Нет, ты ошибся.

– В чём конкретно? – равнодушно уточняю у него.

– Да во всём. Я никогда не любил мать Грейс. Моя история никак не связана с этой бесхребетной женщиной.

Вот это уже более интересно и больше похоже на правду.

– И кто эта женщина, что смогла завоевать твоё ублюдское сердце? – теперь я уже открыто демонстрирую презрение и ненависть.

Вильям хрустит костяшками пальцев. Его взгляд туманится, когда он начинает вспоминать:

– Мне было семнадцать, а она была на три года старше меня. Её звали Аннабель, и она была прекраснее любого на этой планете. Она была упёртой, сильной, сдержанной, умной. Она была той, с кем я хотел сокрушать этот мир, – он мечтательно вздыхает, – я обожал её.

– Дайте угадаю: она отвергла тебя?

Он коротко кивает.

– Но я не виню её. Я был сопляком, а она королевой. Ей нужен был кто-то сильный, за которым она сможет быть, как за каменной стеной. А в тот момент я не мог дать ей этого.

– Что было между вами? – осторожно интересуюсь у него. Удивительно, но мне и вправду стало интересно узнать то, как он стал таким дерьмом.

Вильям хмурится и дергает плечами.

– Ненависть, – бросает он и начинает идти к двери, – она высмеяла меня перед моими друзьями, перед всем университетом. В этот миг она из прекрасной розы стала для меня вене-риной мухоловкой. Я ненавидел её каждой клеточкой своего тела. Я жаждал отмщения, – его губы кривятся в кровожадной улыбке. Он оборачивается: – И я добился своего. Вот уже долгое время она где-то глубоко под землёй.

Липкое чувство растекается по моему телу. Я отшатываюсь, кривясь:

– Ты убил её?

Вильям театрально ахает.

– Конечно, нет. Она умерла от СПИДа. Ей не стоило спать со всеми подряд. Надеюсь, ты вымерил урок из моих слов, Диего. Любовь – это то, что делает нас слабее. Это чувство, которое обвивает тебя изнутри, заставляя подчиняться сердце и разум. И рано или поздно это приведёт к разрушительным последствиям.

Не говоря больше ни слова, он разворачивается на одних пятках и, пританцовывая, заходит в здание, откуда доносится музыка. Мне не остаётся ничего делать, поэтому я следую за ним, понунив плечи.

Внутри всё выглядит так, как я себе это я представлял.

Огромный зал размером с домом моих родителей в Фолл—Ривере, весь он освещён сотней огней и огромной хрустальной люстрой, свисающей к полу, посередине помещения. Под ней уместился двухэтажный стол с бокалами шампанского и другого алкоголя. Жаль, у них нет бурбона, потому что сегодня он будет очень даже кстати. Окна завешаны полупрозрачным тюлем с золотыми блестками. Теплый оранжевый свет от заходящего солнца проходит в зал, но тут же растворяется под гнётом белого освещения. Я сколько по залу, наполненному множе-

ством столов, за которыми сидят гости в официальной одежде, стоимостью в целое состояние, и натыкаюсь на большую картину, висящую на стене напротив свадебной арки. На ней написан портрет Грейс и Арчера: они смотрят друг на друга также влюблённо, как и мы когда-то. Сглотнув, я утыкаюсь глазами в мраморный пол, в котором вижу своё отражение. Оно смеётся надо мной всё я больше и больше, из-за чего ярость во мне начинает биться в истерике, требуя, чтобы ей дали сделать своё дело. Но я не собираюсь портить свадьбу Грейс.

– Ты видишь её? – спрашивает Вильям, осматриваясь. Многие гости обратили на нас внимание и почтенно кивнули ему головами.

– Нет, – отвечаю ему, хотя я даже и не пытался найти её. Музыка в зале сменилась на что-то классическое, и я застонал от всей этой показухи. Грейс точно не была организатором этой свадьбы: она никогда бы не сотворила весь этот шлак. По крайней мере, я так думал.

Маленькая девушка официант подлетела к нам с подносом бокалов. Она одета не как все официанты в этом зале: на ней обычные чёрные джинсы и легкая блузка, которую треплет сквозняк. Её темные волосы цветом горького шоколада были собраны в маленький аккуратный пучок на затылке. Её карие глаза цвета хорошего виски смотрели на нас с Вильямом без интереса. Розовые пухлые губы сложились в бантик, когда отец Грейс прошёлся по девушке недолгим, но мерзким взглядом. Я заметил, как дернулось её колено, и уверен, что она хотела долбануть им Вильяма между ног. Я улыбнулся и закашлялся, чтобы скрыть приступ смеха. Официантка прищурилась, глядя на меня, но, увидев одобрение, подмигнула.

– Что пожелаете?

– Милый голосок, – цокнул Вильям, – тебе стоит идти в певички, а не в обслуживающий персонал.

Он потянулся к подносу и взял стакан виски.

– Я не часть персонала, к вашему сведению. Я всего лишь помогаю подруге, которая организовывает весь этот бред, – фыркает в ответ девушка, забавляя меня ещё больше.

Похоже, это вечер может быть не так ужасен. Если, конечно, Вильям не решит прихлопнуть девушку, как муху. Хотя, видя её довольно бойкий характер, я уже сомневаюсь в том, что он прихлопнет её, а не она его.

– Да? – Вильям усмехается, приподняв бровь. – И почему же это бред?

Девушка закатывает глаза и оглядывается.

– Посмотрите на все это. Разве так выглядит настоящая свадьба?

– А как, по-твоему, она должна выглядеть? Как по мне, всё на высшем уровне.

– Ну конечно, – девушка скучающе проходит мимо него взглядом. Вильям начинает откровенно издеваться над ней, и я уже собираюсь вмешаться, но тут она выдаёт: – Для таких как Вы, сэр, может это и искренне. Извините, но мне нужно идти.

И я больше не сдерживаю смех, когда она удаляется.

– Сучка, – шипит Вильям и отворачивается. Что-то словно промелькнуло где-то далеко от нас, потому что нельзя по-иному объяснить то, как он резко зашагал в непонятном мне направлении.

– Иди за мной.

Я даже не успел предположить, кого он там нашёл, как он резко останавливается возле одного стола. Рядом с ним с бокалом стоит женщина возрастом моей матери, но что-то в ней не то: бледное лицо обтянуто сухой тонкой кожей, через которую видно каждую венку; её светлые волосы скручены в странную причёску, но похоже её это мало заботит, в отличие от всех женщин в этом зале; пустой взгляд зеленоватых глаз устремлён куда-то вдаль, не обращая внимания на остановившегося Вильяма; красное атласное платье с V-образным вырезом обтягивает её костлявое тело. Она выглядит, как героинщица. И, похоже, так оно и есть.

– Познакомься, Диего, это моя супруга – Джорджия, – Вильям даже не утруждает себя, чтобы улыбнуться ей. Да и она, очевидно, не горит желанием показывать восторг его персоне.

Семья Грейс вызывает нечто странное в душе... ноющую жалость и скорбь.

Женщина – Джорджия – наконец смотрит на нас поочерёдно: она дарит мужу легкое подёргивание уголка сухих губ, а на меня смотрит с особым интересом.

– Приятно познакомиться с тобой, Диего Фуэнтес, – Похоже, каждый в их семье знает меня. – Я наслышана о тебе.

– Не нужно, Джорджия. Ты знаешь столько же, сколько и мои псы, так что помалкивай, – беспристрастным тоном затыкает её Вильям.

Женщина сжимает губы в тонкую ниточку, игнорируя его.

Становится слишком некомфортно находиться рядом с ними. Что-то жуткое навеивает вся эта атмосфера общения. Разве семьи создают не из светлых чувств?

– Что бы ты там не хотел спросить, мальчик, лучше придержи это в себе, – шипит Джорджия и обращается к мужу, отталкиваясь от стола. Бокал в её руках дрожит, стремясь упасть на пол. – Я буду в гостевой, мне что-то не хорошо.

Её худенькие синеватые ножки перебирают на высоченных каблуках, и она скрывается в толпе гостей. Вильям даже не провожает жену взглядом, проявляя холодное безразличие.

– Ну конечно, знаю я, как ты устала, шлюха.

Я хотел что-то сказать, но решил признаться, что это не моё дело и никогда моим не будет.

Он опрокидывает в себя очередной стакан виски. Скользкий взгляд исследует зал и останавливается где-то на одном из столов. Я перестал обращать внимание на него и просто абстрагировался от мира.

– Я вижу её. Вижу Грейс.

Всего два слова – вижу Грейс – и моё сердце прекращает свою работу. Липкое чувство страха скатывается по моей спине, и я уже не сомневаюсь, что это не капельки пота. Страх окутывает мою голову сильными тисками, заставляя следовать за Вильямом с пустым взглядом и без каких-либо лишних движений. Да я даже не дышу, мать его. Страх увидеть её сейчас счастливой с ним, убивает меня. Но если она будет несчастна, то я также пропаду. Отсюда нет выхода.

Как только мы подходим к самому дальнему столику, я замечаю Арчера. Его, впрочем, трудно не заметить. Он стоит рядом со стулом, оперевшись на него, в чёрном смокинге и лакированных туфлях. Его глаза выражают непонятную мне боль, а губы сжаты в тонкую линию. Но как только он замечает нас, фальшивая улыбка скользит по его лицу. Он впивается в меня взглядом, не обращая внимания на Вильяма. Сначала мелькает шок, но он тут же сменяется на ликование. Арчер знает, что выиграл эту битву. Сукин сын.

– Рад видеть тебя здесь, Диего, – в его тоне слышатся насмешливые нотки, но я уже прекращаю его слышать.

Потому что она поднимает на меня свои глаза. Услышав моё имя, она дёргается, как от пощечины, и практически падает со стула, над которым возвышается Арчер. В белом пышном платье, она выглядит ещё лучше, хотя нагота ей идёт больше.

Зелёные глаза цвета свежей летней травы, которая покрыта росой, смотрят на меня в полном непонимании, замешательстве. Она тоже не знала, что я здесь окажусь. Видимо, праздником рулит лишь её отец. Я позволяю себе осмотреть её, что доставляет мне больше боли, чем удовлетворения: её кожа на три тона бледнее, чем в последний раз, когда мы встречались; а розовые пухлые губки, которыми она целовала мне шею, когда я заставлял её кончать, искусаны до крови. От вида последних я начинаю свирепеть и с трудом сдерживаю себя, чтобы не убить Арчера.

– Грейс, – рывкает её отец неподалёку. Кажется, мы совсем забыли, чтобы вокруг есть кто-то, кроме нас двоих, – я привёл тебе твой свадебный подарок, неужели ты не хочешь поблагодарить меня, дорогая?

Её носик морщится, как и каждый раз, когда она старалась сдерживать себя в руках, чтобы не надрать кому-нибудь зад. Моя малышка не может сдаться так просто.

– Спасибо... отец, – хрипит она, не сводя с меня глаз.

На её лице отображается боль, и я почти тянусь, чтобы коснуться её щеки, как Арчер выскакивает передо мной, загораживая её.

– Не думаю, что хочу, чтобы ты трогал мою жену, – рычит на меня этот ублюдок.

– А я не думаю, что спрашивал твоё мнение. И она не твоя жена.

На последних словах мой голос срывается на крик. Где-то рядом хихикает Вильям.

Теперь я понял, зачем он привёл меня сюда. Он хотел лицезреть весь этот цирк. Ему доставляет удовольствие наблюдать, как кому-то больно.

– Будущая. Будущая жена, Диего.

– Я перережу твою глотку, а когда ты будешь захлебываться в крови, я скажу тебе то же самое. Потому что она не твоя.

– А чья же? Чья? – смеётся Арчер. Он запускает ладонь в свои пшеничного цвета волосы. – Неужели твоя?

Не помню, как я подлетел к нему. Последнее, что я вообще видел, это мой кулак, прилетевший ему в челюсть. Голова Арчера дёрнулась, а сам он почти упал, если бы не Грейс, которая схватила его за спину.

– Достаточно, – прогремел Вильям и схватил Арчера за локоть. Тот испепелял меня яростным взглядом, пока его белки наливались кровью, – пойдём, Арчер. Оставим их вдвоём. Им есть о чём поговорить.

– Но...

Вильям перестал его слушать и уже утянул за собой.

Я не следил за ними, чтобы убедиться в том, что мы остались вдвоём. Мне было откровенно наплевать на это. Единственное, что сейчас мне важно, – это она.

Закусив губу от волнения, она неловко поднялась со стула и оказалась рядом со мной на расстоянии вытянутой руки. Но ни один из нас не решался подойти ближе. Мы смотрели друг на друга, выжидая чего-то, исследуя каждый дюйм наших тел. Её лицо нездорового оттенка склонилось набок, изучая меня также пристально, как и я её. Её зелёные глаза потемнели, и я четко видел боль, отразившуюся в них. Эта была уже не моя Грейс, в которой горел огонь, заставлявший меня умирать от нетерпения. Она была моим криптонитом. Грейс могла убить меня и воскресить. Только ей было подвластно это. Что-то иное промелькнуло в её взгляде, и я не успел уловить это *что-то*, потому что она уже закрыла глаза. Её веки дрожали, а ресницы начали покрываться влагой и склеиваться. Эта картина сжала моё сердце, и я не смог просто смотреть на это.

Взяв её за ладонь, я не ждал, когда она сплетет наши пальцы. Я повёл её в сторону туалетов. Не беспокоясь о том, где женский, а где мужской, я затащил нас впервые попавшийся и закрыл дверь на ключ, чтобы никто не смог помешать нам.

Медленно повернувшись к ней, я ожидал, что она накричит на меня, станет бить кулаками мою грудь, чтобы выбраться. Но ничего из этого не последовало. Она стояла ледяной глыбой, смотря на меня покрасневшими пустыми глазами. *Что с ней стало...*

– Грейс, – от боли мне хотелось выть, но я ничего не мог поделать. Сердце наливалось кровью, когда я увидел её такой впервые, – что бы ни произошло, пока тебя не было со мной, я знаю, что тебе было паршиво. Я вижу это. Скажи мне почему, и мы выберемся из этого дерьма вместе. Забудем всё это и начнём заново. Больше не будет никаких ссор. Я расскажу тебе все свои тайны, а ты можешь молчать, правда. Главное, чтобы ты была рядом, – она смотрела в пол, сжимая в руках ткань. – Грейс, ты слышишь меня? Мы справимся с этим.

Я с замиранием сердца наблюдал за ней, пока она безмолвно стояла, уткнувшись взглядом в пол, избегая встречи со мной.

Не выдержав, я пошёл в её сторону, и тогда она отмерла.

– Не подходи, – прохрипела она. Казалось, что Грейс сорвала голос от долгого крика, – отойди от меня, Диего... пожалуйста.

Я замер на месте.

– Я не понимаю.

– Тебе и не нужно понимать это, – выдыхает она, и черты её лица вмиг ожесточаются. – Что сказал тебе отец?

– Много чего. Про свою первую любовь, например.

– Аннабель... – в её голосе слышится грусть.

– Ты знала её?

Грейс отрицательно качает головой.

– Не так хорошо, как хотелось бы. Пока отец не убил её, она часто навещала меня, когда мама была в...неважно где.

– Твой отец убил её?!

– А ты сомневался? – хмыкает она, вытирая мокрые глаза.

– Он сказал, что она умерла от СПИДа, – и я поверил ему.

– И как думаешь, откуда у неё эта болезнь? Её изнасиловали по просьбе моего отца. Но разве сейчас это важно? Я спрашивала о другом. Что он предложил тебе, если ты поедешь с ним?

От её жесткого тона неприятный холодок проходит по всему телу.

– Он пообещал мне, что убьёт тебя, если я откажусь от поездки сюда.

Я, конечно, не думал, что она будет в шоке, но я надеялся, что, хотя бы удивлю её этим. Но нет. Она даже не изменилась в лице.

– Ничего нового. А теперь послушай, Диего, я люблю тебя. Слишком сильно, чтобы позволить отцу сделать то, что он хочет сделать с тобой.

– Мы разберёмся с этим вместе, – перебиваю её. От осознания того, что она все ещё любит меня, я загорелся надеждой. Секунда и я уже стоял впритык с ней и гладил её по щеке.

Она закрыла глаза и, словно кошка, требующая нежности, льнула к моей руке. Тепло разлилось в моих венах, спустя долгое время отсутствия Грейс рядом со мной. До этого момента я даже и не знал, насколько сильно скучал по ней. Но даже этот контакт длился недолго. Она дёрнулась и резко убрала мою руку. Схватив её своими ладонями, она сжала её и посмотрела мне в глаза. Я видел решительность, на фоне страданий и безвыходности в одном её взгляде.

– Мы не справимся с этим, потому что нас уже нет. Есть я, и есть ты, помнишь? Я писала это в письме.

– Ты написала его, чтобы оттолкнуть меня, – рычу я, выдернув свою ладонь из её рук.

– Практически всё было написано с этой целью, да. Я и не сомневалась, что ты поймёшь это. Но другая часть была правдой. Диего, это уже не важно.

– Ещё как важно. Я скучал по тебе. Мы все скучали...

Стон, наполненный боли, срывается с её губ, и я осознаю, что иду в правильном направлении.

– Мария совсем изменилась. Ей не хватает тебя. Она перестала принимать таблетки, и это сильно сказывается на её поведении. Пару дней назад она почти воткнула нож в руку Даниэлю, когда тот хотел коснуться неё. Мои родители постоянно спрашивают о тебе. А Этан и Скарлет не выходят из дома, ища утешение в объятиях друг друга. Оливер потерял не только лучшего друга, но и тебя. Это убивает его изнутри, он уже не такой, как прежде. Полли уехала к родителям и от неё вообще не слышно вестей. А Саманта, которая, наконец, призналась ей в чувствах, нуждается в твоей поддержке, потому что ей сейчас паршиво, как никогда раньше. А я просто умираю без тебя рядом. Ты нужна мне, Грейс. Нужна всем нам.

Истошные рыдания наполняют комнату.

– Уже ничего не вернуть, как же ты не понимаешь. Он разрушит всем вам жизнь, как рушит её мне.

– Вместе мы со всем справимся, – я обнимаю её, уткнувшись носом в её волосы. Вдохнув полной грудью этот аромат, я, наконец, почувствовал себя там, где должен быть. Не в туалете, конечно. А с Грейс. *Она – мой дом.*

– Прости меня, но все кончено. Сейчас я стану женой Арчера, и отец оставит всех в покое.

– Ты не станешь его женой, – рычу я, как не в себе.

Грейс выпутывается из моих рук и идёт к двери. Напоследок она последний раз смотрит на меня.

– Каждый день рядом с ним я буду помнить только тебя. Помни об этом и никогда не забывай.

Она выходит из туалета, оставляя меня там смотреть ей в след. Как бы я хотел сейчас уйти, но я не могу, потому что договор с Вильямом обязывал меня остаться до процесса бракосочетания. Поэтому собрав волю в кулак, я выхожу именно в тот момент, когда все гости сидят на своих местах, а около свадебной арки стоит Арчер. *Ад начался.*

Решив остаться в тени прожекторов, я встал рядом с напитками, откуда видел всё. И, несомненно, меня заметил Арчер. Ублюдок подмигнул мне и отвернулся к священнику. Грейс пока рядом не было, и я ужасно надеялся, что она сбежала.

– Тот скользкий тип искал тебя.

Я поворачиваюсь на голос и вижу ту самую маленькую брюнетку, что утёрла нос Вильяму.

– Хрен с ним. И ты права, он чертовски скользкий.

Девушка улыбается мне уголком розовых пухлых губ.

– Что ты делаешь здесь? Ты не похож на всех тех, кого пригласили на эту недосвадьбу.

– Вильям – тот урод – отец невесты, девушки, которую я безмерно люблю.

Непонимание отражается в карих глазах официантки. Я осознаю, что даже не знаю её имени и уже открываюсь ей, хотя не делал этого никогда прежде. Что-то в ней притягивает.

– И ты позволишь ей выйти за другого?

– У меня нет выхода. Она сдалась, а я не могу в одного тащить нас из этой ямы.

– На твоём месте, я бы поступила именно так. Если ты любишь её, то ты должен идти до конца. Чего бы это ни стоило, – говорит она, и в этот момент её телефон в руках вибрирует. Она смотрит на подсвеченный дисплей и улыбается. – Я убью тебя, придурок. Папаша из тебя так себе.

Сначала я не понял, что это адресовано не мне, но, когда она показала фотографию, где маленькие, примерно годовалые мальчик и такого же возраста девочка все в муке корчат рожицы, до меня дошло.

– Если бы он не шёл до последнего, то их бы сейчас не было. Я бы не просыпалась из-за детских визгов, умоляющих меня включить мультики. Мы бы не устраивали вечер кино, когда под конец они засыпали, и нам приходилось брать их на руки и укладывать спать в кровать. Хотя мы прекрасно знаем, что они просто притворяются, но все равно делаем вид, что ничего не понимаем. Не было бы детских рисунков на холодильнике, где мама больше папы в три раза. Мои глаза порой скошены, а иногда их всего один, но как объяснить сыну, что я не циклоп, если он даже не знает, кто это. Ничего бы этого не было.

Она замолкает, все ещё улыбаясь, но я уже не смотрю на неё. Мое внимание обращено лишь на неё. На Грейс, которая держит белый букет своими маленькими ручками, идя под руку с отцом, на лице которого гордая счастливая улыбка, что не скажешь о Грейс. Классическая музыка сменяется другой, выбивается из меня воздух. Эта любимая песня Грейс. Это далеко не свадебная песня, поэтому я не понял, почему поставили именно ее. Но, вслушавшись в слова, я осознал, что Грейс знала, что отец приведет меня сюда. Эта песня стала посланием мне от моей прежней Грейс, пока она ещё не стала той, в чьих чертах я еле узнаю свою малышку.

– Это она? – еле слышно шепчет брюнетка рядом со мной, и я еле заметно киваю, следуя взглядом за каждым шагом Грейс, когда она оказывается рядом с аркой. – Она несчастлива так же, как и ты. Это видно, парень. Сделай так, чтобы вы смогли рассказывать свою историю вашим детям, вспоминая этот момент, как какую-то шутку.

Я не успеваю сказать ей спасибо, потому что она уже исчезает в толпе.

Вильям подводит Грейс к алтарю, шепчет ей что-то на ухо, на что она кивает, отпускает её руку и отходит в сторону. В его глазах блестят слёзы радости, отчего я начинаю сомневаться в том, что он – монстр. Хотя нет, не сомневаюсь, потому что понял, что Грейс наступила ему каблуком на ногу, из-за чего он и прослезился. Матери Грейс нигде рядом нет. Арчер берет Грейс за руки, и они вместе оборачиваются к священнику. Тот начинает напутственные слова, затем Арчер произносит свою клятву, но я даже не слушаю это. Я увлечён одной лишь Грейс, по щеке которой скатывается горькая слеза. Когда наступает её черёд, песня затихает. Тишина поглощает зал, пока Грейс в слезах ищет в зале меня. Как только её глаза находят меня, с её губ вырывается первый всхлип:

– Я клянусь быть тебе во всём опорой, нежно любить тебя и терпеливо оберегать нашу любовь. Говорить, когда нужны слова, и хранить молчание, когда слова не нужны. Я согласна согласиться попробовать морковный пирог.

– Нет, малышка, пожалуйста...

Она взяла речь из любимого фильма «Клятва», после которого плакала больше часа на моей груди. Тогда она сказала мне, что обязательно произнесёт её на своей свадьбе. На нашей свадьбе...

– Жить, где хорошо твоему сердцу и считать это своим домом, – произносит она последние слова, продолжая смотреть на меня, захлебываясь в слезах.

Я не слышу больше ничего, кроме жуткого звона в ушах. Моё сердце уничтожено, и с остатками себя, я ухожу на улицу и вызываю такси в ближайших бар.

Прошлое в прошлом, Грейс. Там ему и место.

Глава 2

Странно находиться тут – в своём родном мире, откуда я родом. Я не был тут несколько лет, а кажется, что сразу несколько десятков. Привычный испанский, лишь туристы, лопочущие на своих языках. Забавно понимать и тех, и других, и в какой-то степени мне даже нравится слышать и видеть эмоции людей, которые рассматривают город. Прилетая сюда, я не испытываю тех эмоций, что и другие. Я знаю тут всё, для меня это обыденность и привычный ежедневный круговорот.

– Диего, милый, я приготовила твою любимую паэлью, – щебечет голос бабушки, пока я, расставив локти по коленям, пытаюсь вырвать собственные волосы к чертям собачим.

– Я не хочу, спасибо, ба, – говорю я, не поворачиваясь к ней.

– Тебе плохо?

Мне не плохо, мне дерьмовей некуда.

– Всё в порядке, солнце напекло, и сегодня голова болит. У вас тут жуткая духота.

– Дорогой, это не Принстон, не ходи без головного убора, тем более утром, – обеспокоено продолжает она, пока я с трудом, но улыбаюсь её заботе.

– Всё в порядке, – киваю я, поднимаясь с кровати, – бывает с непривычки, я же прилетел один день назад, нужно привыкнуть.

Янтарные глаза рассматривают каждую клеточку моего лица, и, кажется, находят какие-то никакие, но ответы. Бабушка обладает сверхспособностью видеть то, что тяжело распознать обычному человеку, у неё будто рентген в глазах. Ей всегда удавалось невооружённым взглядом увидеть каждую потайную клеточку души, маме в какой-то степени тоже перешёл её талант, но бабушка – это наш личный рентгенолог. От неё не ускользнёт ни одна деталь внутренних чувств. Поправив волнистые локоны каштанового цвета, которым она красит волосы, хотя я считаю прекрасным то, что у неё уже появилась седина, бабушка прищурилась и окинула меня пронизательным взглядом. Ощущение того, что на лбу написана целая книга из собственных переживаний – ударило и зомбирovalo. Такое чувство, что я попал в кабинет флюорографии, где мне необходимо стоять смиренно и выполнять просьбу дышать и не дышать.

– Не переживай, у меня просто переломный момент, – успокаивающе, улыбнулся я, оставив поцелуй на макушке, – зачем ты красишь волосы?

– Ещё один? – хмуро спрашивает она.

– Жизнь соткана из таких моментов, ба, нужно время, чтобы их залечить и исправить. Так всё-таки, зачем? По мне, так тебе подходит естественность, а ты пытаешься её скрыть.

– Это как маска, Диего, которую ты сейчас надел на себя.

– Не хочу, чтобы ты пряталась от кого-то, и вообще, как тебе удаётся скакать с темы на тему? При чём, ты отлично справляешься с тем, чтобы их объединить в одну.

– Легко. Ты пытаешься меня обмануть.

– Возможно, но эта ложь во благо, – обняв её за плечи, я снова улыбнулся.

– Я не хочу, чтобы ты обманывал меня и всех нас в целом.

– Уверю тебя, вам не за что переживать, скоро всё наладится, и я стану тем дураком, что был в школе.

Лицо бабушки озаряет улыбка, по которой читается то, что она вспомнила былые времена, хоть и не самые красочные.

– Даже не думай, – она качает головой, и в ответ награждает меня тёплой улыбкой, которая вновь сменяется хмуростью и задумчивостью.

– Я не о плохом, – сразу останавливаю её тропинку к прошлому дерьму я, – это была подростковая дурость, где хочется показать себя. Думаю, от них уже давно остались только кости или они гниют за решёткой.

– Надеюсь, ты мне не врешь.

– Ты сама всё видишь. Паэлью?

– Тебе ловко удаётся увернуться от темы, но ты знаешь, что меня не проведёшь, – кивает бабушка, – и когда ты успел передумать?

– Сейчас, – искренне смеюсь я, выходя из комнаты, – дедушка уже мог покрыться слоем льда или пыли, пока у нас велась беседа по душам.

Бабушка следует за мной, пока я спускаюсь по лестнице и чувствую её пристальный взгляд на затылке.

– Я бы не стала говорить так громко, думаю, что это были лишь её предпосылки.

– Вполне возможно, ба, но это ничего не меняет. Со временем всё вернётся на круги своя.

Родители отослали меня, словно я маленький мальчик, которого невозможно взять под контроль. Хотя, я не могу их винить, мне действительно нужна смена обстановки, и Испания подходит для подобного рода изменений. Не знаю, по какой причине семья не подумала, что я вернусь к прошлому тут, но, вероятно они тоже понимают, что это была глупость. Кроме того, я давно не был у бабушки и дедушки по линии своего донора спермы. Мы редко общаемся по телефону, а видимся ещё реже, но это не меняет того, что я отношусь к ним с теплотой, как и они к нам. Наша семья – это что-то из ряда безумия и нарушения всяких жизненных тонкостей, типа: родители по чьей-то линии должны негативно относиться к своим внукам, если сын идиот. Идиот, он и в Африке останется идиотом, – так они описывают собственного сына, что даже забавно, ведь мы все с ними согласны. Я обязательно должен заехать к ним, это как дело чести, да и надобности. Мама постоянно поддерживает с ними связь и передаёт мне от них привет. Уверен, они знают о моём прилете и приедут сами, если этого не сделаю я.

– Ты, наконец-то, решил, что пора оставить четыре стены? – улыбается дедушка, приспустив очки и посмотрев на меня карими глазами.

– Я выходил вчера, – усмехаюсь я, занимая место за столом, – не делайте из меня отшельника или егеря.

– Часовая прогулка на машине с открытым стеклом из аэропорта до дома не считается.

– Я ещё не вклинился, нужно время.

– Ты улетаешь через неделю, вклинишься на шестой день? И зачем улетать так рано?

– Я должен работать, – выдыхаю я.

– И сколько ещё ты должен *работать*? – смеётся дедушка, зная мою правду.

– Я.. не знаю, – жму плечами и падаю на спинку стула, – договор был до конца года.

– Энрике, ты разве не видишь? – улыбается бабушка, наполняя тарелки моим любимым блюдом в её исполнении.

– Что не вижу?

– Он решил остаться.

– Где? – вступаю я.

– В университете, Диего. Я вижу, что тебе понравилось работать в такой должности, даже не отрицай.

– Мы прекрасно понимаем, что меня не оставят.

– С чего ты так решил? – коротко улыбается дедушка.

– Хотя бы, потому что я судим.

– Говоришь так, словно виноват во всех смертных грехах. Оступился, с кем не бывает. Тем более, ты этого не совершал.

– Я был замешан, и суд решил иначе.

– Они не вправе указывать учебному заведению в том, кого брать на работу.

– Да, но есть какие-то рамки, кого не допустят к студентам.

– Ты уже с ними работаешь, значит, уже допущен.

– Тебя не переспорить, – выдыхаю я, смотря на дедушку, который победно улыбается, как и бабушка.

– Я всего лишь констатирую факты и действительность. Это работа твоя, думаю, ты и сам понимаешь.

Похлопав меня по плечу, дедушка коротко улыбнулся и пододвинул тарелку ближе. В их компании мне по-особому спокойно. Они не спросили, почему я решил приехать, что со мной не так, но, как известно, бабушка слишком проницательна, она буквально видит наперёд. В Принстоне на меня давили не только стены в квартире, но и семья, которая пыталась утешить, чего я не желаю. Утешить меня в силах только понимание того, что это всего лишь мой очередной кошмарный сон. Но, к сожалению, это моя реальность в виде жизни. Я словно прохожу полосу препятствий в виде ям с дерьмом, но с этим покончено. Я покидаю её. С приездом в Испанию, я отрекаюсь от всего и кладу перед собой новый чистый лист, где должен написать историю с нуля. Прошрое в прошлом, там ему самое место. Была моя грань, я хочу всё завершить. Меня променяли на славяного принца. Я знаю и уверен, есть и были тысячи способов всё исправить, но она выбрала не тот, который хотелось бы мне. Она не боролась, да и нужно ли бороться? Путь наименьшего сопротивления подстать Грейс, которая вскинув подбородок, зашагала по нему в образе принцессы. Я познакомился с другой Грейс, это не та девушка, что сейчас: она срывалась с места и была готова уничтожить каждого на своём пути; она спорила и была остра на язык; она боролась за себя и за нас, как минимум, отстаивая наши отношения. Это образ, который как бомба разлетелся осколками разные стороны. Она оказалась другой: девушкой, которая легко отказывается от чувств в пользу новых или старых. Человек, который проник в мою душу, узнав секреты, которые на протяжении жизни, я нес в гордом одиночестве – оставил меня. Предательство? Это то чувство, что я ощущал на протяжении всего времени после её ухода. Раздавлен и сломлен? Больше нет. Я закрываю эту книгу и подставляю к ней огонь, исходящий из зажигалки. Она горит на моих глазах и в моих руках, оставляя после себя лишь пепел, который благополучно уносится со сквозняком.

Тарелка пустеет совершенно незаметно, а я, оправдываясь желанием подышать свежим воздухом, выхожу на улицу и следую без определённого маршрута. Узкие улочки едва вмещают в своё пространство туристов, где-то приходится слиться со стеной, чтобы позволить другим пройти вперёд, ведь я еле перебираю ногами. Желание встретить кого-то из прошлого и одновременно нежелание сталкиваться со своими демонами – терзает душу, как и воспоминания о ней. Кадры фотоплёнки уже спешат забить сознание, но я тут же встряхиваю головой, потому что сам себе запретил думать о ней. Выхожу на более оживлённую улицу, чтобы создать иллюзию наполненности собственной жизни.

Идея оборачивается крахом. Среди оживлённой толпы, я чувствую себя ещё более одиноким, чем прежде.

Медленно дохожу до порта, где десятки яхт, кораблей и рыболовных лодок мирно показываются из стороны в сторону благодаря лёгкому морскому прибою. Первый раз в жизни я ловлю себя на желании запрыгнуть в любую и укатить куда-нибудь подальше на край света, если он существует. Моя жизнь соткана из потерь. Один за другим, я обретаю и тут же теряю. Но это ещё не самое смешное. Забавно то, что я теряю именно в тот момент, когда понимаю ценность и принимаю собственные чувства. Стоит только сказать «я люблю тебя», как предмет моей любви исчезает по любым причинам. Я не виню Алисию, она ушла не по своей воле. Картинки с ней плывут перед глазами, я позволяю им внедриться в голову. Она – моя память, та, что я любил, но понял это с её смертью. Всё было слишком по-детски. Но, возможно, так и нужно. Ребёнок не умеет обманываться чувствами, он любит искренне, без желания получить выгоду. Алисия любила именно так. Будь она живой, куда бы занесла меня жизнь? Это невозможно представить, но тогда, в тот самый вечер, я уже хотел отойти от поганых дел, чтобы быть с ней. Я не успел сказать ей о чувствах, и это гложет меня. Она должна была знать, что я

любил её или люблю сейчас. Хотя, это уже не так важно, я лишь могу верить и надеяться на то, что она где-то рядом, просто я не могу видеть её. Уверен, сейчас она смеётся также лучезарно и звонко, потому что я совершил одну и ту же ошибку: я не успел раскрыться до конца, но успел сказать о любви.

Подбираю камень и бросаю его с такой силой, благодаря которой не вижу, где он пошёл ко дну, как и я сам. Я буквально чувствую, как вместе с ним, также скоротечно падаю вниз. Хотя, кажется, что я даже не падаю вниз, я застыл между прошлым, настоящим и будущим. Словно сила гравитации больше не воздействует на меня. Кроссовки занимают место по правую руку от меня, а ноги погружаются в воду. Двенадцать градусов тепла и пасмурная погода делают море холодным, но этому я даже рад. Сознание словно получает невидимые волны для забвения, и благодаря ногам – леденеют мозги, из-за которых память не может функционировать, запуская кадры из прошлого.

Пару раз я чувствовал заинтересованные взгляды, но шея словно наполнилось свинцом, из-за чего я не могу повернуть её и посмотреть на своих наблюдателей. Но в этом даже нет нужды, мне просто плевать. Чистый лист я начинаю валять в дерьме, отличный способ начать с нуля.

Я не знаю, с чего начать. После смерти Алисии, я просто утонул в алкоголе, одноразовом сексе и куче навоза, хотя, кажется, что ничего не изменилось, разве только продолжительность моего отчаянья. Если бы не Мария, да и чего говорить, отец Грейс, который привёз меня к той, что вновь вытерла об меня ноги – я так бы и продолжал свой загул. В прошлый раз помогла мера пресечения в виде условного срока и исправительных работ в университете, то сейчас хорошего пинка я должен дать самому себе. Я больше не хочу помнить её. Не хочу помнить её слова. Не хочу помнить взгляд и клятву, которую она вроде давала Арчеру, а смотрела на меня. Я больше не хочу прошлого. Странно, что подобный шаг в корне может перевернуть в душе всякие чувства. Как говорится: словом, можно убить. Наверно, в какой-то степени у неё это получилось. Словом, можно растоптать, но ещё им можно заставить ненавидеть. И то, как показательно она смотрела на меня в те секунды на свадьбе – доводит до приступа гнева. Я начинаю ненавидеть её всей душой и сердцем, конечно, если они ещё остались.

– Мы не справимся с этим, потому что нас уже нет. Есть я, и есть ты, помнишь?

Эти слова помогают ненависти внутри расти, словно на дрожжах. Она не стала бороться, даже не попыталась. Это не моя Грейс. Это фальшивка. Я ошибся в ней.

– Если бы он не шёл до последнего, ничего этого бы не было.

Новые слова, которые звучали от незнакомки. Бесконечный круговорот между двумя диалогами, в которые периодически вмешивает третий с отцом Грейс. Где-то он даже прав: любовь делает нас слабыми, заставляет ненавидеть. А ненависть я чётко улавливаю внутри самого себя. Я ненавижу её за то, что она сделала это с нами. Ненавижу за то, что уничтожила нас. Уничтожила меня.

– Если ты любишь её, то ты должен идти до конца. Чего бы это ни стоило.

До чего шёл тот парень? Дошёл ли он до моей точки? Терял первую любовь в аварии, видя собственными глазами, как полыхает машина, внутри которой до пепла горит твоя любовь? Не смотрел ли на вторую, которая смогла нагло пробраться в душу и сердце, восстановить их и снова уничтожить, выйдя замуж прямо перед тобой, при этом, говорить клятву и смотреть в твои глаза? Кажется, бесконечности подобного в моей жизни ещё не достаточное количество. Где-то этот кувшинчик с дерьмом ожидает своего следующего шанса. Что дальше? Может, я снова ступлю на ту же дорогу? Отдам часть себя, а потом она придёт домой с пузом и представит мне свою новую любовь: «Привет, Диего, это мой ненаглядный, у нас скоро будет ребёночек, может, ты пойдёшь нахрен?». Яростное желание вернуться в тот день, найти эту брюнетку и вытащить из неё всё то, что она имела в виду – пылает пожаром в грудной клетке. Я хочу знать, что он сделал. Я хочу знать их историю от и до, чтобы потом посмеяться и рассказать

свою. Сомневаюсь, что во многомиллионном городе возможно отыскать её. У меня нет никакой информации, кроме той, что она брюнетка и не являлась обслуживающим персоналом, которого, кстати, всегда включают в список работников на вечер. У меня есть ещё одно – эту недосвадьбу устраивала её подруга, и если это действительно так, то, кажется, она недалекого ума, либо деньги для неё стоят на первом месте, других вариантов нет. Если я прав, то хочу увидеть их дружбу, где одна соглашается на подобное, а вторая, придерживаясь другого мнения, всё равно помогает ей. Да и плевать на всех. Возможно сейчас, моя Грейс нежится на пляже, любуясь своим тупоголовым дружком-женихом. Плевать дважды на каждого из них.

Поднимаюсь с пирса, подхватываю кроссовки, игнорирую чужие взгляды, сжигающие спину, и плетусь менять собственную жизнь, как изначально планировал. Это не парочка пунктов, а целый список, который я должен составить. Есть только один, которого я пугаюсь, как собственного отражения после недельного запоя: скорость.

Собственная машина давно пылится в гараже, лишь Ром периодически заводил её для того, чтобы она изредка подавала признаки жизни. Но я ничего не могу с собой поделать. Подходя к ней, дотрагиваясь до неё – я возвращаюсь назад. Секунда и вспышка ослепляет, заставляет сердце разрываться внутри. Я даже не мог посмотреть на неё последний раз, от неё ничего не осталось, как и от меня. Даже если бы такая возможность была, не знаю, решился бы я, смог бы подойти к гробу с девушкой, чувства к которой понял и принял лишь после её смерти.

Это мой страх. Мой личный ад. Эксклюзивный ужас. Я должен исправить это. Я должен побороть себя и сесть за руль без страха.

Глава 3

Что страшней всего: начинать или возобновлять? В моём случае ответ однозначно возобновлять. Тот единичный случай, когда пришлось сесть за руль ради Грейс – сложно считать значимым, потому что я вздрагивал от каждой новой проезжающей мимо машины, срывая внутренний гнев на неё. Мне стыдно. И я снова думаю о ней, из-за чего быстро кручу головой в разные стороны, чтобы выкинуть каждую каплю воспоминаний о ней.

Как только ступаю на гоночную трассу – получаю желаемое. Но не то. Ноги подкашиваются, и я буквально падаю на асфальт, где могу содрать колени, а хотелось бы мозги. Круговорот воспоминаний моментально завоёвывает сознание, из-за чего я не успеваю собраться, поигрывая в бою с самим собой не начав бороться. По грудной клетке буквально приезжает танк. Я чувствую, как под гусеницей хрустят кости, как внутренности сдавливаются под тяжестью груза, как медленно, но верно, я погибаю морально. Перед глазами пропальывает целая кинолента из разных событий, но я цепляю только одно.

Зажимаю педаль газа, выворачиваю руль, и машина боком скользит по трассе, оставляя за собой клубы дыма и запах жженой резины. Ещё один рывок. Ещё несколько секунд и я пересеку финишную черту первым. Адреналин бурлит, прожигает кровь такой температурой, которой позавидует даже раскалённое металлическое ядро Земли. Из-за знойной жары и машин, летающих по трассе, помогающих каждому заливать в себя тонны воды, – по спине скользят капли пота. Проклятые кожаные чехлы, которые Даниэль натянул на кресла, добавляют этому месту адского пекла. Уверен, когда решусь покинуть салон – кожа прилипнет к коже, и на ляжках останется охрененный по мнению друга материал. Весь гнев на него улетучивается в ту секунду, когда капот равняется с белой полосой на асфальте, вслед чему ревут трибуны.

Волна мурашек бежит по всему телу, я не успеваю прийти в себя, потому что следом чуть ли не припечатываюсь спиной к машине, шею обвивают руки, а по щеке и лицу то и дело остаются десятки поцелуев, на которые я не совсем спешу отвечать. Коротко улыбаюсь и возвращаю тело Алисии на асфальт.

– Я так переживала за тебя, Ди, – восторженно тараторит она, обвивая мою талию, на что я похлопываю её по плечу, будто парой нас считает только она. Наверно, таковыми нас считаю все, кроме меня и Даниэля.

– Всё в порядке, спасибо, – вновь пытаюсь отстраниться, из-за чего её брови спешат воссоединиться на переносице, но я успеваю её успокоить: – нужно подойти, меня уже зовут.

– Хорошо, – кивает она, посылая широкую и восхищенную улыбку, от которой по спине пробегает холодок.

Я вижу, как она смотрит на меня, вижу, как превозносит, словно я какое-то божественное существо. Каждый раз, видя подобный взгляд, я караю себя и Даниэля, который решил, что будь она со мной и, поняв, какой я на самом деле засранец, убежит с криками прочь. Ничего подобного не вышло. Как бы я не старался, как бы не пытался и не показывал ей своё безразличие – Алисия не видит, либо пытается этого не замечать. Как снять розовые очки, которые она сама на себя нацепила? Слушая слова о любви, я не могу выдавить ответные, а если и выдавливаю, то думаю совершенно не о той любви, которую она вообразила себе. Быстрым шагом направляюсь в сторону судейства и попутно нахожу взглядом лучшего друга, всем видом показывая то, что с каждым новым днём мне перестаёт нравиться наш договор. Его сестра должна сменить мнение обо мне, но становится только хуже. Скоро моё имя и вовсе внесут в книги по истории, как одного из божественных существ благодаря ей. Это дерьмово. Я вовсе не тот, кем она меня вообразила, выдумала и представила.

Краем глаза замечаю, как Алисию окружают подруги, пока Мария остаётся на трибунах, показывая то, что тут ей дико скучно и некомфортно, хотя вчера она прожужжала мне все уши о гонках, в это время Даниэль спешит ко мне и уже через минуту равняется по левую руку.

– Пора прекращать это, – цезю я как можно тише.

– Расслабься, у нас в кармане победа, – хлопая меня по спине, весело говорит он.

– Ты меня понял.

Взгляд друга вливается в меня, и я не заставляю его ждать, отвечая взаимным. Показушная радость испаряется, на смену ей приходит волнение и беспокойность, которую я ловлю в глазах.

– Дай ей ещё время, – тихо просит он, – она ещё не поняла.

– Её понимание не приходит уже два месяца. И хочу, чтобы ты знал: твоя сестра давно не намекает, она действует. Когда я потеряю самоконтроль – вини только себя.

– Месяц. Дай ей ещё месяц.

Бросаю в сторону Даниэля быстрый и многоговорящий взгляд, улавливая в его глазах печаль. Он не виноват в нелепых чувствах сестры, и не виноват в том, что я не могу дать ей взаимность. Как бы жестоко мне не приходилось с ней обходиться – она прощает. Сейчас я буквально бросил её при всех, а она улыбается и смотрит на меня тем же щенячьим взглядом, что и прежде.

Не сразу успеваю уловить тот момент, когда лицо становится мокрым от слёз, а я занимаю скамью. Я и не заметил, когда они проскользнули, но сейчас, находясь наедине с собой – чувствую ту сломленность и слабость. Хуже этого только понимание того, каким дерьмом я себя ощущаю. Я словно окунулся в прошлое и сейчас смотрю на всё со стороны. Не понимаю, почему тогда она не назвала меня козлом и не вlepила прилюдную пощёчину из-за того, как я обходился с ней, и как обошёлся. Формально, я просто бросил её, уйдя не к судьям, а в сторону. Где было твоё самоуважение, Алисия?

Обвожу трассу взглядом и вытираю остатки влаги на лице, запустив пятерню в волосы. Разговор с самим собой не приводит ни к какому завершению с ответом. Поднимаюсь и вышагиваю к зданиям, окружающим трассу. Январское солнце даёт о себе знать и поэтому приходится плавно переместиться в тень, а после в помещение.

Тут ничего не изменилось. Вру. Поменялось всё, либо сейчас я на многое смотрю иначе, даже на банальное расположение стен в здании. Шагаю по протянутому коридору и слушаю собственные шаги, эхом отражающиеся в стенах пустого помещения. Когда перед глазами маячит нужная дверь, стучу и получаю моментальный ответ с разрешением войти.

Седовласый мужчина лет пятидесяти, обращает ко мне взгляд карих глаз. Кажется, что я видел его где-то, возможно, именно в те времена, когда ещё любил ту свободу и скорость, которую дарили гонки. Почесав подбородок, он посылает короткую вежливую улыбку.

– Чем обязан?

– Хочу записаться на гонку, – отвечаю я.

– Марка машины?

– Мустанг.

– Год?

– Одиннадцатый.

– Уже катался?

– Было дело.

– Давно?

– Как минимум лет пять назад.

– Сейчас на машине?

– Нет.

– Парень, мне нужны все справки и подтверждение техосмотра, без них не допущу. Плюс должен проверить твои навыки на треке. Заезжай, как будешь на машине, желательно полностью укомплектованный.

– Без проблем, – говорю я и покидаю кабинет.

Возможно, это был знак, но я решаюсь пропустить его мимо ушей, ведь знаю ещё один способ получить желаемое – незаконные. Те, которые проходят за городом, нужно лишь дождаться наступления ночи и приехать на место. Управление знает, что они проходят, знают даже тех, кто там катается, но не могут поймать ни организаторов, ни тех, кто гоняет. Это дополнительная порция адреналина, а именно его мне не хватает. Я не чувствую себя живым, у меня забрали всё, что я любил. Одно всё же могу вернуть в свою жизнь хотя бы на короткий срок.

Следующей опорной точкой должен стать дом бабушки и дедушки по отцовской линии. На второй день я решил убить всех зайцев, чтобы в дальнейшем быть полностью свободным, хотя не знаю, чем могу тут заняться, разве только прошлым. Но ноги не идут в нужном направлении, они уносят меня в другую степь. И куда именно, я узнаю только тогда, когда подхожу к воротам.

Ступить за линию – не хватает сил. Смотрю под ноги и пытаюсь побороть страх, который давно поселился внутри. Я легко пошёл на кладбище в Принстоне, когда хоронили Алана, потому что знал, как сильно нужен ей, сейчас остался один: наедине с собственными демонами. Сжимаю челюсть и смотрю вдоль тропинки, сделав несколько шагов вперёд. Я знаю, где могу найти её, знаю, что никогда не смогу поменять прошлое, знаю, что, увидев её инициалы и даты, между которыми короткая черта – буду просить прощение у того, кого нет рядом, и больше не будет.

Медленно дохожу до нужного места не без приложенных усилий, ведь не был тут. Я даже не попрощался с ней. У меня просто не хватило смелости посмотреть на её бездыханное тело. Тогда всё делалось на автомате, без планов, четкого режима и стремлений, сейчас же я принимаю всё иначе: осознанно. Вокруг пустота и тишина, полный покой, который разве только нарушает едва достигаемый шум автомобилей и щебетание птиц на деревьях.

– Прости... – шепчу я, падая на колени перед табличкой надгробия.

Слышу, как звонит телефон, но не глядя, сбрасываю вызов, даже не вынимая его из кармана. Взрослый парень упивается слезами на кладбище в одиночестве – вот к чему я пришёл. Вся боль, которую подавлял несколько лет, рвётся наружу, и я не останавливаю её. Я ощущаю, как душа покрывается корочкой льда и медленно трескается на мелкие кусочки. Я не спешу мешать, ведь готов распрощаться с ней раз и навсегда, потому что пользы от неё нет, лишь напоминание о пережитом. Слезы сбегают по щекам, а память ворошит прошлые моменты.

– *Диего!* – кричит мне вслед Алисия, на что я закатываю глаза и продолжаю идти, это её не останавливает, и следом она зовёт брата: – *Даниэль! Выпустите меня, кретины!*

– *Сиди дома, мелкая,* – в ответ, повышает голос друг и показывает ей средний палец.

Возможно, закрыть двери с наружной стороны и убрать лестницы – хорошая идея, но мы оба на девяносто процентов из ста можем быть уверены, что она найдёт другой способ вырваться. Она достаточно умна, но недостаточно для того, чтобы не мешаться с нами. Со мной. Даниэль пытается перекинуть всё на подростковые гормоны, которые шалют в его сестре, но уверен, он и сам понимает, что дело дерьмо.

Заворачиваю голову и вижу на её лице весь гнев, направленный нам в спины. Смеясь, посылаю ей воздушный поцелуй, на что она сводит брови, но улыбается и показывает средний палец теперь уже мне. Возможно, я сам помогаю её влюблённости, но иногда какие-то жесты делаю не обдумывая, как, к примеру, сейчас. Мысленно отвечаю себе хорошего подзатыльника и стираю улыбку с лица.

– Если найдёшь в своей кровати кошачье дерьмо, то знай, что это дело рук не Мисси, а твоей сестры.

– Похрен, останусь у тебя. И мы не будем сегодня ночевать дома, Маркус сказал, что там зачётно.

– Ладно, – без промедления, соглашаюсь я.

– Делись, – протягивает он руку в мою сторону, на что я усмехаюсь и вкладываю в его ладонь несколько шуришащих квадратиков.

– Спасибо, она сошла с ума. Нашла и выбросила целую пачку, думала, это твои.

– Так и есть, только на половину, придётся хранить у себя.

– Скоро этот маразм пройдёт.

– Уверен?

– Да, пара месяцев и ты в прошлом.

Киваю и облегчённо выдыхаю. Мне не нужна подружка, которая будет пилить мозги, а Алисия это любит. Зная компанию, с которой я обычно веду дела, она уже капает на голову непонятными нотациями, которые изрядно бесят.

Я отрицал, уже тогда я любил её, но не принимал во внимание, считая всякие чувства, как и любовь – дуростью и пустой тратой времени, особенно в том возрасте.

– Ты не должна была... – шепчу я, словно меня кто-то может услышать.

Я проклиная того ублюдка, который помог мне сойти с катушек и поднять кулаки. Последнее, что она чувствовала – разочарование во мне, с этим чувством она погибла, а он ходит по земле. В эту самую секунду, я готов стереть его в порошок, будь он рядом. Но вина лежит и на мне. Это я звонил ей без остановок, тем самым, помогая случиться трагедии. Первое время я считал это неправильным, ошибочным решением забрать её, а не меня, и эти бредни слушала Мария. Она слышала это сотню раз, и однажды моя сестрёнка не выдержала. Как сейчас я помню ту истерику и дрожь, в которой она билась после вновь произнесённых слов. После того момента, подобные мысли не вылетали из моего рта ни разу. Я не мог видеть её такой. В тот день она кричала так сильно, что сорвала голос и несколько дней хрипела, а не говорила. Те слова впиваются в головной мозг, словно вампир клыками в шею.

– Лучшие бы умер ты? О чём ты думаешь, идиот!? Как можешь говорить такое мне? А как же родители? Ром? Даниэль? Я? Как буду я? Почему ты такой эгоист? Почему думаешь только о себе? Почему ты даже не подумал о нас? Каково будет нам? Ты неблагодарный ублюдок, блять! Да пошёл ты, Фуэнтес!

Я не могу больше быть таким, те несколько недель после того, как меня оставила Грейс – вновь прошли аналогично тем, когда меня оставила Алисия. Я дал слабину и нарушил обещание самому себе о том, чтобы ни было, чтобы не происходило, я должен быть сильным не ради себя, а ради Марии, которая это видит. В отличие от Рома, между мной и младшей сестрой более тесная связь. С самого рождения я холил и лелеял её, называл золотом, говорил, что никогда не отдам её, никогда не оставлю и никогда не подведу. Но я подвёл. Я должен был быть примером для неё, но оказался провалом и показателем того, что человек ломается из-за другого человека.

Смотрю на проклятую черту между датой рождения и смерти, и решаюсь сказать что-то хотя бы так. Это словно исповедь, даже если она не слышит меня.

– Я не могу ничего поменять, не могу вернуть тебя, но всей душой желаю, чтобы такая возможность была. Не для себя, не для того, чтобы начать заново, а для того, чтобы видеть тебя и знать, что в жизни было что-то прекрасное, по-настоящему влюблённое в меня. Прости меня... я не уберёг тебя, это моя вина и только моя. Если бы я только мог...

Всхлип вырывается из меня, а слёзы замочили траву и землю, словно прошёл дождь, но я перевожу дыхание и продолжаю, потому что хочу выговориться любым способом.

– Надеюсь, ты простила меня... если нет, то я заслужил. Знаю, ты бы хотела, чтобы я был счастлив, на какое-то время мне удалось, но всё снова разрушилось. Прости за крики, боль, которую причинял, за то, что не слушал... знаю, ты хотела, как лучше, просто я был идиотом. Я поздно понял, что любил тебя, но понимаю это сейчас. Это было по-детски, но по-настоящему. Сейчас я люблю её, но не так, как тебя. Оказывается, любовь бывает разной. Она невероятная, честное слово, ты бы оценила...

Поднимаюсь с колен и вытираю слёзы с лица подолом футболки. Я причинил боль Алисии, Марии, Грейс, кто следующий? Не знаю, как они выносили или выносят меня, ведь сейчас я самому себе кажусь отвратительным. Причина всегда была во мне, потому что я всегда начинал с грубости. В отношениях с Алисией это была вынужденная мера, чтобы изменить её светлое мнение обо мне. В отношениях с Грейс – защитная реакция, чтобы не чувствовать той боли, которую уже испытывал. Моя защитная реакция и желание оттолкнуть от себя любой ценой. Мария же терпит меня на протяжении всей жизни. Она выносит обидные слова, не обращает внимания на моё поганое настроение, мирится с выходками. Иногда я думаю, что, если бы не она, я давно мог поехать. В итоге оберегаю не я её, а она меня. Это неправильно.

Покидаю кладбище, оглядываясь на могилу за спиной. Душой хочется верить, что она слышала и смеялась над тем, как я реву у неё на могиле. Теперь я обязан навестить бабушку и дедушку, иначе самостоятельно стукнусь головой о ближайший столб.

Как только дверь поддаётся, и я вхожу в холл, то тут же замечаю чёрные тяжелые ботинки с шипами. Несколько раз моргаю, чтобы развеять этот мираж, но обувь никуда не делась. Я тут же смотрю в сторону кухни, в которой горит свет, и лечу туда. В голове бушует ураган: что она здесь делает? Может, что-то случилось? Мне стало тошно от своих собственных мыслей. Пока я бежал на кухню, мне казалось, что я вообще ползу. Но как только вбегаю в комнату, все сомнения рассеиваются.

Мария сидит на стуле, сложив руки на груди, и смотрит в одну точку, не замечая никого. В углу комнаты стоят бабушка и дедушка в обнимку и смотрят на Марию, как на диковину зверюшку. Они тут же замечают меня и кидаются из комнаты, обходя стул Марии за фут.

– Как будто я кусаюсь, – незаинтересованность в тоне сестры была такой отчетливой, что мне не приходилось гадать о её настоящих чувствах.

Немного помедлив, я подошёл к ней, присел, взял её ладони в свои, положив наш своеобразный замок ей на колени. Взгляд сестры медленно перешёл со стены на меня.

– Они не часто видят тебя, поэтому твоё появление здесь неожиданно.

– Не нужно оправдываться. Я и без этого всё понимаю, – отрезала она. – Лучше расскажи мне, как ты?

Идея с враньём отпала моментально.

– Я ходил записаться на гонку.

– Отлично, Диего, – радостно взвизгнула она. Мария выдернула свои ладони, чтобы положить мне их на щёки. – Я давно знала, что тебе пора вернуться. Ты был звездой! Не смотри на меня так, как брошенный щенок. Я говорю правду. Ты был молнией, да ты и сейчас молния, просто тебе нужно...

Сжав зубы до скрипа, я перебил её:

– Я был на кладбище...

Мне пришлось зажмуриться, потому что видеть то, как изменилось её лицо, было невыносимо. Ладони упали с моих щёк.

– Куда ты ходил?

– Я был на могиле Алисии.

– Зачем? – холодно спросила она.

Я всё ещё сидел с закрытыми глазами, надеясь, что она примет эту новость спокойно. Но с каждой секундой надежда куда-то исчезала, а на смену пришло смущение и страх за душевное состояние сестры.

– Я должен был сделать это давно, меня не было на её похоронах и это главная моя ошибка. Тем более это помогло мне.

– Помогло?

– Прекращай язвить, – наконец, я посмотрел на неё и вновь сцепил наши руки, – эта исповедь, которую я шептал в слезах, дала мне то, что я и не надеялся получить.

Мария закатила глаза и недоверчиво смерила меня взглядом.

– Посвяти меня, мудрец. Что же такого тебе могла дать могила? Не пойми меня неправильно: Алисия была классной. Но что сделано, то сделано. Тем более твоей вины тут не было и нет. Я говорила тебе это сто раз. Ты просто ворошишь старые раны, Диего. Тебе скоро двадцать четыре и стукнет семь лет с того рокового дня. Семь гребанных лет! Пора уже выбросить из головы идею убиваться по этому поводу.

– Больше не буду, обещаю, – смотря на сестру, я поцеловал её ледяные ладони, – я понял то, что давно должен был понять: пока мы не мертвы, всё решаемо. Все проблемы кажутся цветочками, если человек жив. Мы не вернём Алисию, да. Но теперь я знаю, что пора собраться с мыслями и идти дальше. Она бы этого хотела.

Мария нахмурилась.

– Ты сейчас серьёзно?

Я не смог не улыбнуться.

– Ага. На полном серьёзе буду двигаться дальше, оставив всё в прошлом, – не секрет, что под «всё» я имею в виду Грейс.

– Господи, Диего, я же вбивала тебе это в голову столько лет! Я убью тебя голыми руками, – она тут же стиснула мою шею в свои объятия, смеясь мне в ухо.

– Ты меня задушишь, – она снова смеётся, но всё-таки отпускает мою бедную шею.

Теперь на её лице не застыла та самая маска хладнокровного убийцы. Сейчас она сходила на мою любимую сестру, в голове у которой пьяные тараканы, танцующие румбу и играющие в покер.

– Теперь хочу узнать, что здесь делаешь ты? Помнится, ты не хотела уезжать. Даже могу сказать из-за кого ты не хотела покидать Принстон, – я издеваюсь над ней, дергая бровью.

Мария морщит носик и начинает хныкать.

– Всё пропало. Мы с Оливером никогда не будем вместе и всё из-за этого идиота.

Она прячет лицо в ладонях, и её маленькое тело содрогается от плача. Поджав губы, я крепко обнял её, потому что не смог бы дальше терпеть её страданий.

– Расскажи мне, что случилось, Мари. Ты же знаешь, что всегда можешь положиться на своего недоумка-брата?

– Конечно, я это знаю, но что ты сможешь сделать против своего лучшего друга? – продолжает захлебываться в слезах она.

Я замер и недоуменно уставился на неё.

– Даниэль? – с сомнением в голосе спросил я.

Мария кивнула и начала рыдать ещё сильнее.

– Я еле как уговорила Оливера дать мне шанс, чтобы он пошёл со мной на свидание. Понимаешь? Я. Уговаривала. Оливера.

– Не верится даже. Он же типа... ну парень-шлюха, – Мария стукнула меня в плечо своим маленьким кулачком. – Ладно-ладно, он просто...

– Общительный, – помогла мне она, – весёлый, умный, красивый, сексуальный...

– Так, всё. Хватит, президент фан-клуба Оливера. Достаточно.

– ... милый, харизматичный, – не останавливалась она. Ну, хотя бы перестала плакать.

Я сдержал рычание в груди.

– Вы пошли на свидание, а дальше? – смена разговора успешно выполнена.

Мария снова вспыхнула и начала рыдать.

– Я отошла в туалет, чтобы подкрасить губы, а когда вернулась, за столом сидел Даниэль. Он сказал, что Оливер не достоин меня, и что он сам это понял и ушёл. Понимаешь? Оливер бросил меня.

– Но вы и не встречались. Фактически, он не бросал тебя, – осторожно заметил я и заслужил ещё один удар.

– Плевать на это. Сделаешь что-нибудь, Диего. Сделаешь что-нибудь с Даниэлем, пожалуйста.

– Что я могу сделать с ним, Мари? – нежно спросил я у неё и убрал мокрые пряди, прилипшие к её щекам.

Она на секунду задумалась.

– Давай его утопим? Как котёнка. Бац и нет! Гениальная идея, вылетаем.

Я хотел рассмеяться, но её серьёзный голос унял это рвение.

– Мария, я обещаю, что поговорю с ним, слышишь? Но ты тоже должна понять его. Он любит тебя и заботится о тебе.

– Не смейся меня. Он просто глупый собственник, который не понимает отказов. Я счастлива с Оливером.

– Была, – подправил я, – Он же типа бросил тебя.

Я – идиот.

Мария начала плакать навзрыд, уткнувшись мокрым носом мне в плечо.

– Давай не будем топить чужой дом, Мари. Хватит плакать.

– Это не чужой дом. Это дом твоих бабушки и дедушки, – возразила она.

Закусив губу, чтобы не начать спорить, как я люблю, я кивнул и оттащил её ладони от лица. Подушечками больших пальцев я подобрал каждую слезинку на её лице и поцеловал её в лоб. Она тяжело вздохнула.

– Пойдём, домой. По дороге купим тебе мороженое с печеньем, посмотрим твою любимую Американскую историю ужасов и ляжем спать, – я поднялся и поднял её вместе с собой.

Она робко встретилась со мной глазами. Воспалённые красные глаза выбили из меня весь воздух. Самое ужасно – это видеть, как она страдает. Да я лучше сам потерплю всё дерьмо за нас обоих, чтобы она никогда не расстраивалась.

– Тебе же не нравится этот сериал? Ты говорил, что режиссёр был под чем-то.

Я рассмеялся, вспомнив наши ночи кино, когда она заставляла меня смотреть всякую ерунду.

– Ради тебя я потерплю этот бред сумасшедшего, – я обнял её за плечи, уткнувшись подбородком ей в макушку, пока она тихо сопела, потому что её нос заложило. – Иди обувайся, а я пока поздороваюсь и попрощаюсь с хозяевами дома, раз на то пошло. Как ты узнала, куда я пойду?

– Тебя не было дома у наших, поэтому я пришла сюда. Я всегда знаю всё наперёд, поэтому не было сомнения, что ты точно окажешься тут. Но пришлось просто немного подождать.

Она хлопнула меня по спине и пошла в холл.

Проводив её взглядом, я прошёл в гостиную, откуда доносились тихие голоса родителей моего отца. Не хорошо, конечно, получилось.

Я почесал затылок, смотря на них, сидящих на диване.

– Простите, что так вышло.

Бабушка кивнула.

– Мы все понимаем. Иди, ты сейчас нужен ей.

– Вы всё слышали?

Они пожали плечами, подмигнув мне.

– Зайдешь к нам в следующий раз, хорошо? Только не забывай. Мы будем ждать, – строго сказал дедушка, взяв с меня немое обещание.

– Рад видеть, что у вас всё хорошо, – без вопросов об отце, как, впрочем, и обычно, я пошёл в холл, где уже стояла Мария и ждала меня.

Окинув дом последним взглядом, мы за руку вышли на улицу, ловя лицами прохладный вечерний ветер.

Глава 4

Бабушка убежала на встречу «веселью, как она выразилась, оставив для нас с Марией, которая мирно посапывала половину суток на диване и пускала слюну на наволочку подушки, ужин, состоящий из тако и сальсы. Поцеловав её в щёку и закрыв за ней дверь, я поднялся наверх, чтобы узнать планы дедушки, но его тоже не оказалось дома. Таким образом, остались лишь мы втроем: я, Мария и моё впервые за всё время хорошее настроение. Но что-то мне подсказывает, что последнее пробудет со мной недолго. Я предполагал, что мой настрой испортит Мария, пробудившись с головной болью. Вчера она выпила больше трёх бутылок вина в одно горло, не дав мне даже глотнуть. Заявив, что кто-то должен оставаться разумным, она выдула сначала одну бутылку, потом вторую, а третью допивала с бульканьем и иканием. Сестра подмигнула мне и тут же грохнулась на пол, так и не дойдя до дивана. Ближе к утру, я перенёс её в комнату. Волосы Марии спутались в колтуны. Предчувствую, кто-то будет сильно кричать, когда расческа застрянет в её гнезде.

Пустые миски из-под мороженого лежали на кофейном столике рядом с включённым телевизором, в котором происходила какая-то муть в духе любимых сериалов девочек-подростков, но сейчас не об этом.

Спустя минут тридцать после ухода бабушки, я решил сделать хоть что-то полезное и разобраться в гараже деда. Как и любая взрослая женщина, она пилила моего деда за вечный бардак и то, что в его гараже может сломать ногу даже черт. В конце концов, я итак бесплатно живу в их доме, поэтому бросив принцип нахлебника, который так полюбился мне в последнее время, я спустился в гараж и оценил обстановку. Бабушка была права. Даже тусклый свет не мог скрыть весь ужас.

Пыль была везде: в воздухе, на поверхностях инструментов и шкафах, на старом зеркале, на развалюхе, которую дед никак не брался чинить, потому что не мог найти время или ему просто было лень разбираться с этой старушкой, которая повидала рождение Иисуса и прокатила его со свистом на первое свидание. Признаться честно, сначала я хотел развернуться и признать себе, что жить в качестве паразита не так плохо, как выглядит с первого взгляда. Но совесть во мне, давно потерянная вещь, забурлила с новой силой, и я всё-таки сделал это.

Когда спустя век гараж можно было облизывать, что я все равно не советую делать, я поднялся на жилой этаж и пошёл в душ. Стоит сказать, что я и вправду хотел помыться, а не передергивать, как малолетняя шпана. В конечном итоге, с чистой душой и телом я вышел из ванной комнаты и пошёл на кухню, чтобы попить воды.

Кухня была совмещена с коридором, поэтому, когда в дверь яростно застучали ногами, руками и.. кирпичом? Я тут же подскочил к двери и, не глядя в глазок, распахнул её. Вид разъярённого друга, который мог бы надрать задницу огнедышащему дракону за секунду одним мизинцем, удивил меня. Тем более в Барселоне.

– Вы все так соскучились по мне? То Мария, то ты, – я заглянул за его спину. – Может, ты ещё и Рома прихватил? Засранца тоже стоит ожидать.

Но больше всего я охренел, когда меня отпихнули от двери. Едва удержавшись на ногах от неожиданности, я смотрел на удаляющуюся спину Даниэля. С открытым ртом я наблюдал за ним.

Сначала он исчез в одной комнате, но видимо не нашёл то, что искал, и вылетел из неё, чтобы зайти в другую. Так он обследовал весь первый этаж и собирался подняться по лестнице на второй, но я перегородил ему путь.

Друг тяжело дышал. Его ноздри угрожающе раздувались, кулаки сжимались и разжимались, а в глазах танцевал бушующий язык пламени.

– Ты в норме?

Он проигнорировал мой вопрос.

– Уйди с дороги, Диего. Я не хочу драться с тобой. Просто дай мне найти её, – возможно, если бы он не был моим лучшим другом, и я был бы в два раза меньше, то я бы точно испугался от этого тихого, но злого тона Даниэля. Но не в этой жизни.

– Кого найти? – издевался я.

Вчера Мария рассказала мне о том, почему она больше не хочет видеть рядом с собой моего друга. Да она и раньше не хотела, но последнее время это чувство обострилось. В миллиарды раз. Поэтому у меня есть план узнать, что да как, и сейчас я следую ему.

Даниэль недобро сверкнул глазами.

– Бабушку твою.

– Не шути так.

– Фуэнтес, вали к черту! – зарычал этот неандерталец и схватил меня за плечи, чтобы сдвинуть с прохода, но я играл пьесу «Я-стена».

– Ты окажешься там раньше, чем я, дружище, если не расскажешь мне, зачем тебе моя дорогая сестричка. Которая, кстати, не очень желает тебя видеть, но это так, если тебе интересно, – я прищурился, когда его пальцы впились мне в кожу. Даже сквозь футболку я почувствовал его ногти.

Но в следующую секунду он уронил ладони и ссутулился, потупив взгляд.

– Мне нужно поговорить с ней. В последний раз, когда мы виделись, мы наговорили друг другу столько всего, что я даже не знаю, как теперь извиняться.

– Ну, так не извиняйся. Ты же знаешь, для неё это просто слова, – философ из меня так себе. Пожав плечами, я расслабился. Уже нет смысла держаться сторожем и не пропускать его, потому что сейчас он перестал походить на машину-убийцу и снова стал моим другом, по уши влюблённым в мою идиотку сестру. Один я в семье нормальный.

Даниэль цокнул.

– Ты такой умный, Диего. Если бы я был киской, я бы точно скинул с себя юбку, – затем он закатил глаза и скрестил руки на груди, вцепившись в меня взглядом. – Но я не ты, и я не стану отступать сразу же, как вижу на горизонте неприятности и трудности.

– Не надо, – предупредил я тихим голосом, который недавно слышал от терминатора-Даниэля.

– Я люблю её. А она любит меня. И мы будем вместе, хочет она этого или нет.

– А вот с этим я бы поспорил, – усмехнулся я, – вчера Мария ясно дала мне понять, что ты и твоя кандидатура не впечатляет её. Напротив, она хочет убить тебя. А от страдающей биполярным расстройством девушки слышать такой опасно, не считаешь?

Даниэль нахмурился. На лбу появилась бегущая строка, гласящая, что он хочет как следует ударить меня.

– Возможно, ты просто всё не так понял.

– Цитирую: я хочу выпотрошить его, нет, я лучше заставлю его жрать свой пенис, чтобы он не смог продолжать свой род и фамилию, потому что такой кусок дерьма не должен иметь право на это.

Мне следовало подумать, что это сильно заденет его, но правда – сука. Необходимая сука.

– Ладно, ты прав. Она ненавидит меня. Но что ты тогда предлагаешь делать? Бежать от проблем в другую страну, как это сделал ты?

Тело налилось свинцом.

– Фильтруй свою речь. Ты знаешь, что ты мне как брат, но я с радостью выполню задуманное Марией, если ты скажешь ещё хоть слово о моём выборе.

Даниэль нехотя кивнул.

– Видишь, тебе не нравится, когда в твою душу лезут. В таком случае, ты не лезь в мою и пропусти меня.

– Я бы не стал лезть, если бы это не касалось моей сестры.

– Она уже давно не маленькая.

Я смерил его насмешливым взглядом.

– Ну, конечно, кому как не тебе рассказывать о том, что она не маленькая?

Готов поклясться, что увидел багровый румянец, разливающийся на щеках друга.

– Я имел в виду не то, что ты подумал. На самом деле, мы ни разу не...

– Что, правда, что ли? Мой друг оказался благородный кровей и до свадьбы ни-ни?

– Ты идиот, Фуэнтес, – как-то раздосадовано выдохнул он. – Секс не нужен, чтобы любить человека. Да я бы был счастлив, если бы Мария вышла за меня и любила меня так же, как и я её, убирая постельные сцены из нашей жизни. Я бы смог прожить без этого, в конце концов, у меня есть рука. Мне просто нужно, чтобы она была рядом. Рядом со мной, всегда. Чтобы мне не нужно было беспокоиться о том, где там моя взбалмошная девочка, и в какую передрагу она опять ввязалась. Я люблю Марию просто за то, что она есть. И я хочу взаимности.

Я смотрел на него с приятным удивлением и счастьем, что у моей сестры есть такой человек, а у меня есть такой друг.

Облизнув пересушенные губы, я уже хотел отойти в сторону, чтобы пропустить Даниэля, но тут же вспомнил кое-что ещё.

– Когда ты последний раз говорил с Марией?

– За день до её отлёта к тебе. А что?

Я склонил голову набок, изучая его. Если он сейчас соврёт, то мне будет плевать на нашу дружбу, потому что семья дороже.

– Ты сказал хоть слово о том, что она сумасшедшая? Или любую другую дрянь о её болезни?

Кадык Даниэля дёрнулся. В его взгляде я заметил страдание и ту печаль, которую часто вижу в зеркале.

– Мы очень сильно поссорились, потому что я встретил её после пьянки в клубе, а ты же знаешь, что ей нельзя пить в одиночку. Ну, я и...

– Я спросил не это.

– Да, я сказал ей.

– Что? – я сжал челюсть до болезненных ощущений. – Что. Ты. Сказал.

– Что её никто не полюбит кроме меня, потому что она биполярная.

В следующее мгновение мой кулак прилетел в челюсть Даниэлю. И я впервые в жизни ударил его.

– Как ты мог, ублюдок? Ты как никто знаешь, с чем ей приходится сталкиваться в этом гнилом обществе. Ты как никто... ты, мерзкий сукин сын, ещё смеешь говорить, что любишь её? Да ты недостойн даже стоять рядом с ней!

Я вцепился пальцами в его шею, сдавливая её, отчего он покраснел и еле дышал. Но он не сопротивлялся. Он смотрел на меня своими покрасневшими глазами. Я впервые заметил то, как плохо он выглядел: синяки под глазами, синеватые губы, кровоподтеки на щеках. По крайней мере, ему также плохо, как и Мари.

– Я знаю. Я все это знаю. Но я был так зол.

– Это не оправдание!

– Понимаю, но тогда мне казалось, что, если я надавлю на неё, она опомнится. Ты бы видел, в каком состоянии я нашёл ее. Она почти купила наркоту. Я вовремя заметил её с каким-то барыгой.

Злость во мне требовала кровопролития. Почему без меня ничего не может пойти нормально? Когда я умру, что эти идиоты будут делать?

– Что здесь происходит?

Я отнял ладони с шеи друга. Даниэль шокировано уставился мне за спину. Я медленно обернулся и направил весь свой гнев на помятую от долгого сна сестру. Едва достигающий второго этажа свет не помог скрыть её внешний вид. Убью! Я точно убью её когда-нибудь!

Мария словно поняла, что спустилась на собственный расстрел. Глаза сестры округлились и быстро заморгали.

– Я, пожалуй, пойду, – быстро побежав вверх по лестнице, она скрылась на втором этаже.

Я сорвался за ней, но меня тут же остановил схвативший за руку Даниэль. Следы от моих рук виднелись у него на шее.

– Дальше мы сами.

Моему возмущению не было предела.

– Она моя сестра, и я сам разберусь с ней. Вот же идиотка!

– Диего, очнись. Постарайся не орать и послушай меня.

– Да пошёл ты, – я дёрнулся и снова хотел взлететь по лестнице.

Но меня прервали. Опять.

Даниэль умоляюще смотрел на меня, как нашкодивший щенок.

– Ты – мой друг. Ты её брат. Мы оба уважаем тебя и любим. Но тебе пора бы заняться своей личной жизнью и оставить нам нашу. Мы признательны тебе за заботу, правда. Но в этот раз позволь нам самим решить проблему.

– Проблему? Ты считаешь это проблемой?! Да это гребаный Армагеддон!

Он ухмыльнулся.

– Вспомни себя в её возрасте. Вспомни, что творил ты, ангелочек.

– Вот именно, что я не хочу, чтобы она повторяла моих ошибок.

Мне снова не дали сорваться.

– Теперь Мария – моя проблема и обязанность. Ты же не будешь ходить за ней до конца своих дней и следить, чтобы она не натворила чего-нибудь.

– Предполагалось, что она к годам так тридцати остепенится, и мне не придётся сделать за ней, как кто говоришь.

Друг скептически посмотрел на меня и рассмеялся.

– Остепенится? Это точно не про вас, Фуэнтесы. Один только Ром чего стоит. Вроде уже отец, а до сих пор такой придурок, что хочется выть.

– И что ты хочешь сказать? Что мы плохие? Вообще-то ты собрался взять в жены одну из нас.

Даниэль улыбнулся.

– Я знаю, и я рад, что так оно и будет.

– ...если будет, конечно.

– Поэтому дай мне разобраться с ней самому. Отпусти её, Диего. Прекрати загружать себя ещё и её проблемами. Для этого у неё есть я.

Я долго смотрел на него. Отпустить? Отпустить мою младшую любимую неугомонную сестрёнку, в голове которой буйный сметающий все на своём пути ветер? Да она же устроит хаос на этой планете, клянусь.

Неожиданно пришло осознание того, что Даниэль прав. Ещё как прав. Мария уже не тот зелёный свёрточек, который принесли мама и отчим из роддома. Она уже не та кроха, которая делала первые шаги, писалась на моих руках, чиркала в моих домашних заданиях, протыкала мои мячи, экспериментировала с моими волосами для своего игрушечного салона красоты, брала меня на слабо, училась ходить на каблуках для зимнего бала, плакала во время прочтения книг. Она уже не та малышка, которая искала во мне защитника, чтобы я спрятал и защитил её от всего мира. Теперь это всё она будет видеть в Даниэле. Он любит её. Любит её с самого детства, как только увидел. И я знаю, что могу доверить ему её. По крайней мере, уж лучше

ему, чем какому-нибудь липкому жирному засранцу, который решит подбить колени к моей любимой сестре.

– Мне кажется, или ты плачешь? – ахнул Даниэль и улыбнулся ещё шире, понимая свою победу.

– Да свали уже, – недовольно пробурчал я и ушёл с прохода.

Даниэль благодарно хлопнула мне по плечу, и побежал по лестнице вверх.

– Задай ей жару.

На мой крик он рассмеялся.

Собрав сопли в кулак, я накинул лёгкую куртку на спину и вышел из дома, чтобы постоять на крыльце и проветриться. *Ладно*, кого я обманываю, я просто не хочу слушать то, как они «мирятся». Одно дело самому трахаться, а другое слушать, как это делает твоя младшая сестра.

Прохладный воздух насыщал лёгкие и морозил нос. Во тьме, я ходил туда-сюда по веранде, пока из дома не вышел Даниэль, вслед ему включился уличный фонарик, ослепив яркостью. Мой взгляд тут же приковал огромные синяк, который точно станет еще в сотню раз чернее, вокруг его глаза. Друг заметил, куда я смотрю, и хмыкнул, подняв один уголок губ. Для человека, которому хорошенько врезала любовь всей жизни, он выглядит слишком удовлетворённым.

– Вижу, она была очень рада тебя видеть, – с издевкой тяну я и заливаюсь смехом, даже не скрывая его за кашлем.

Даниэль закатывает глаза и облакачивается на дверной косяк.

– Так нужно было.

– Не знал, что тебе нравятся, когда девушки оставляют тебе фингал. Похоже у нас разные понятия о жесткости с девушками.

– Даже не смей рассказывать мне про то, как ты долбишься с девушками. Это последнее, что я хотел бы слышать, тем более после насыщенного разговора с Марией.

Я вопросительно вздёрнул бровь.

– Насколько плодотворно прошёл диалог?

– Скорее монолог, – пробубнил он, опустив взгляд на землю. – Я нашёл её в твоей комнате. Она собирала вещи и точно не ожидала, что в дверях появлюсь я. Мария пробубнила, что ты предатель, раз впустил меня к ней. В общем, я проигнорировал это и стал извиняться перед ней. Не прошло и пяти секунд после моих извинений, как она сделала это, – он указал на синяк, не смотря на меня, – потом я поцеловал её.

– И она дала тебе в пах? – с надеждой спросил я.

– Почти. Ну, она хотела, имею в виду, – затем он счастливо улыбнулся. – Я прижал её к стене и...

– Избавь. Меня. От. Этого!

Этот придурок дерзко облизнулся.

– Теперь ты понимаешь меня, когда я слушаю твою постельные рассказы.

– Это не одно и то же, идиот.

– Ладно, может, так оно и есть, – кивнул он.

– Всё. Отвали от меня. Даже не хочу смотреть на ваши сопли.

– Конечно, хочешь. Ты счастлив, Диего, просто прими это.

– Счастлив? – рыкнул я. – В каком месте я счастлив?

Даниэль умиротворенно смотрел на меня и отошёл от дверного косяка. Один шаг и он стоял рядом со мной, лоб в лоб.

– У тебя прекрасная семья: брат-недоумок и его невестка, милая племянница, заботливая мама, отличный отчим, который любит тебя как собственного сына, сумасшедшая, в хорошем смысле, Мария. Лучший друг, который мало того, что красивый, но и удивительно терпелив к тебе, – я хотел стукнуть его по плечу, но он увернулся. – У тебя есть и любовь. Любовь не

только к семье, но и к девушке, к Грейс. Просто посмотри на нас с Марией. Она динамит меня с детства, делает всё мне назло. Но я добиваюсь её. И когда-нибудь я добьюсь.

– Не дождёшься! – крикнула Мария с второго этажа, открыв форточку.

Даниэль не обернулся, но я увидел, как потеплел его взгляд.

– Борись за своё счастье, даже если на твоём пути целый мир, который против вас. Я знаю, что она любит тебя. Всё ещё очень любит.

– Неужели? И из любви ко мне она вышла замуж за этого... гладко бритого?

Даниэль закатил глаза, как будто я сказал что-то из ряда вон выходящее. Но это моя реальность. Моё настоящее.

– Ты даже не пытался.

Я лишь фыркнул на его слова.

– Я не прав? – бросив в меня слова, как в быка красной тряпкой, он выгнул бровь. – Давай, скажи, что я не прав. Ты сдался. Опустил руки. Принял. Ты поступил, как слабак.

– Я принял её выбор, – процедил я, сверля взглядом точку впереди.

– Нет, ты просто слабак.

– Не надо, – новым предупредительным тоном, сказал я.

– Ты даже не стал бороться. Очнись, идиот. Она жива, – резко завернув голову в его сторону, я заметил, как притупился взгляд друга. Ему также же дерьмово, как и мне. По сей, чертов день. – А знаешь, я покажу тебе.

С этими словами, он полез в карман джинс. Вытащив телефон, Даниэль несколько раз провёл по дисплею и поднёс экран мне.

Нем.

На телефоне была изображена Грейс и её отец в движении вблизи. На ней то самое коричневое пальто-халат, которое мы покупали вместе. Сердце больно екнуло.

Даниэль нажал на плей, и картинка с Грейс и её папашей ожила.

– Мистер Мелтон и миссис Росс! Вильям! – кричал один из мужчин, попавших в кадр. Он держал в руках камеру.

Тут же появились ещё больше людей с камерами и микрофонами, а меня чуть ли не вывернуло наизнанку, когда какой-то из кричащих, назвал другую фамилию. Она теперь не Мелтон. Она – Росс.

– Грейс Росс, Вы можете ответить на несколько вопросов? – кричал им вслед один.

– Что Вы скажете о делах вашего отца? – орал второй.

Отец схватил её за руку, остановившись. Он что-то шепнул ей, и Грейс обернулась. От её измотанного вида мне стало ещё хуже. Да, может быть, она выглядит хорошо, но я не вооружённым взглядом вижу миллионные слои косметики. Какого черта Даниэль показывает мне это?

– Да, моя дочь согласна ответить на два любых вопроса, – чересчур дружелюбно огласил Вильям.

Грейс вырвала свою руку из его ладони и сжала губы в линию. И от меня не ускользнул её секундный холодный взгляд, которым она наградила своего донора спермы, а после обратила внимание на выкрикивающих. В то же мгновение, рука отца вновь появилась на её локте и, вероятно, сжала его, судя по боли, отразившейся на её лице. Похоже у них все очень несладко.

Телефон ублюдка зазвонил, и его взгляд говорил о том, насколько сильно он не хотел оставлять её одну. Но он всё же отклонялся в сторону с неохотой, когда посмотрел на экран мобильного.

– Почему Вы бросили заниматься футболом? – голосил один.

– Почему Ваши картины не дополняются новыми? – перебивал второй.

Зелёные глаза медленно начинали наполняться гневом, мешающимся с.. болью? Если я не обманываю себя, если я вижу это не один, то боль сочится из её покрасневших глаз.

– Почему Вы бросили Принстон? – присоединился третий.

И ещё несколько голосов за кадром, которые нападали на неё. Я бы врывал глотку каждому, клянусь Богом. Они не видят, что ей дерьмово?

Грейс покосилась в сторону отца и обратила взгляд к людям за кадром.

– Потому что у меня больше нет вдохновения, – просто ответила она.

– Миссис Росс, что является Вашим вдохновением?

Она что-то тихо сказала, и вновь посыпались новые вопросы, но в основном, чтобы она повторила.

Грейс откашлялась, и подняла подбородок.

– Тренер, – безэмоционально ответила она, хотя это маска. Я точно знаю, что это маска.

Очередные десятки вопросов, о ком она говорит и что имеет в виду.

– Тренер в университете, – успела сказать она, в ту же секунду, отец дёрнул её за руку с такой силой, что у неё могли вылететь мозги.

Коротко улыбнувшись, улюбок потащил её в сторону, пока вслед им голосили уже сотни вопросов. Один за другим они выкрикивали их, но запись оборвалась, а я посмотрел на Даниэля.

В горле пересохло, а внутренности наполнились свинцом. Пытаясь найти в себе хоть каплю жидкости, чтобы смочить горло, я не мог. Внутри образовалась удушающая и убивающая пустыня.

– Что скажешь?

– Зачем ты показал мне это? – сухо спросил я, едва найдя в себе силы на какой-то ответ.

– Чтобы ты вспомнил о наличии яиц, а не плакался тут, как сопливая девочка, которую бросили.

Оставляю последний взгляд на друге и срываюсь с места.

Я бегу так быстро, насколько могу, диктуя себе: правая-левая, правая-левая. И так по кругу. За спиной слышу крик Марии. Конечно, она всё подслушивала, но даже слезно молящий голос сестры с просьбой остановиться, не способен удержать меня на месте. Бегству помогает такси, которое я ловлю по пути.

Всё происходит, словно в тумане.

Дома быстро остаются за спиной, на смену жилому – приходят поля и деревья. С каждой новой милей, меньше становится фонарей. И вскоре они вовсе перестают освещать дорогу, потому что их попросту нет в данном месте. Мужчина с опаской косится на меня, я, в свою очередь, отсчитывая по дюйму в голове, сокращая расстояние до конечной точки.

Как только на горизонте появляется свет фар, кажется, доносится облегчённый выдох с соседнего кресла. Рёв машин, визг шин чуть ли не ежедневно наполняет это тихое место запахом адреналина, безумия, скорости и денег. *Либо всё, либо ничего*, – вот их первое правило. И единственное. Никаких других. Ты можешь делать всё, что заблагорассудится, даже столкнуть противника с горы.

Я был тут дважды, когда учился в школе. Но выигрыш достался мне единожды. В этом участвуют только те, у кого отбита голова. А у меня она отбита именно сейчас, как когда-то в юности после смерти Алисии. Трасса всегда напоминает о ней, и это мой восьмой круг ада.

Ставлю свою подпись на листе о том, что не имею, и не буду иметь никаких претензий при несчастном случае. Кладу на стол три сотни и получаю номер с ключами. Да, за участие ты ещё платишь. Глазами пытаюсь найти ту, что теперь принадлежит мне. И нахожу. Это дерьмовое стечение обстоятельств. Она принадлежала мне в школе. Это точно она.

Красный мустанг, по бокам которого пара чёрных полос, заставляет меня чуть ли не ураться на месте, потому что я боюсь сделать шаг в его сторону. Но всё же делаю. Ярость внутри намного сильнее страха.

Провожу ладонью по капоту и закрываю глаза, когда занимаю место в салоне. Тут ничего не изменилось, даже запах тот же. Аромат адреналина, страха и смерти. Однажды, какой-то двинутый успешно помог сопернику покинуть трассу именно на ней. Благо, что второй отделался сломанным о руль носом, но это лишь то, что я знаю. Кто-то мог убить на ней, стоит только сделать резкий поворот руля и встретить чей-то бок, чтобы сбить с пути. Ремонт ты тоже оплачиваешь сам, но это никого не смущает, наоборот, повышает азарт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.